

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2012 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

- Борис Л.А.* Риторические упражнения в процессе обучения русско-
му языку 5
- Голубева-Монаткина Н.И.* Гаспаров о переводе и переводчиках 10
- Грибановская Е.С.* Концепт «чужого» в переводе 16
- Есакова М.Н.* Плеоназм как явление речевой избыточности. 24
- Жаркова О.С.* Механизмы памяти в устном последовательном пере-
воде 32
- Керо Хервилья Э.Ф.* Анализ частицы *как бы* в тексте романа Ф.М. До-
стоевского «Братья Карамазовы» и её перевод на испанский 36
- Кольцова Ю.Н.* Разновременные переводы новеллы П. Мериме «Кар-
мен» как источник анализа эволюции русского языка 43
- Коробова С.Н.* Повышение мотивации на занятиях иностранного
языка в рамках подготовки переводчиков (французский язык) 49
- Литвинова Г.М.* К проблеме употребления слов-паразитов в совре-
менном русском языке 55
- Макианцева А.М.* Родной язык в системе подготовки переводчиков:
современный этап. 63
- Раздобудько-Чович Л.И.* Перевод как интерпретация и импровиза-
ция. На материале сербских переводов мемуаров и В. Набокова
с двух «оригиналов»: английского (“*Speak, memory*”) и русского
(«*Другие берега*»). 72
- Трухтанова Е.В., Трухтанов С.И.* К вопросу о некоторых особенно-
стях перевода древнеяпонских поэтических текстов 81
- Ундрицова М.В.* Гастрономический дискурс: лингвокуртурологиче-
ские и переводческие аспекты 86

Рецензии

- Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Лексикографическая категоризация
коллокаций в переводе 92

Contents

<i>Boris, L.A.</i> Rhetorical Exercises in Teaching Russian as a Foreign Language . . .	5
<i>Golubeva-Monatkina, N.I.</i> Mikhail L. Gasparov on Translation and Translators.	10
<i>Gribanovskaya, Y.S.</i> The Concept of "Alien" in Translation	16
<i>Yesakova, M.N.</i> Pleonasm as a Speech Redundancy Phenomenon	24
<i>Zharkova, O.S.</i> Memory Mechanisms in Consecutive Interpretation.	32
<i>Quero Gervilla, E.F.</i> Translation from Russian into Spanish of the Particle <i>как бы</i> in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov".	36
<i>Koltsova, Y.N.</i> Translations of <i>Carmen</i> by Prosper Mérimée made at Different Periods as a Source of Analyzing the Evolution of the Russian Language	43
<i>Korobova, S.N.</i> Increasing Motivation in French Language Classes in Translator Training Programmes.	49
<i>Litvinova, G.M.</i> Filler Words in Contemporary Russian	55
<i>Makshantseva, A.M.</i> Mother Tongue in Interpreter Training Programmes . . .	63
<i>Razdobudko-Čović, L.I.</i> Translation as Interpretation and Improvisation: a Case Study of Authorized Translations of Vladimir Nabokov's Memoirs into Serbian	72
<i>Trukhtanova, Y.V., Trukhtanov, S.I.</i> Peculiarities of Translation of Ancient Japanese Poetry	81
<i>Undritsova, M.V.</i> Gastronomic Discourse: Linguo-cultural and Translation Aspects.	86

В конце апреля 2012 года (25—29 апреля) в Салониках прошла очередная III Международная конференция, организованная Высшей школой перевода Московского университета при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Генерального консульства РФ в Салониках и региональной администрации Греции.

Что такое русский язык в мировом лингвистическом пространстве? Какое преломление получают русский язык и русская культура в зеркале перевода? Как обучать русскому языку иностранных учащихся разных лингвистических и культурных социумов? Как зависит обучение языку от целей коммуникации? Что помогает понимать все таинства русского литературного текста? Как передать на языках мира, казалось бы, самые «простые» русские высказывания?

Эти и многие другие вопросы функционирования русского языка в современном мире, русского языка оригинальных литературных произведений, подлежащих переводу, оказались в центре внимания участников международной конференции, собравшей представителей разных стран, влюблённых в перевод, в русский язык и русскую культуру.

Известно, что даже многоопытные переводчики-международники, владеющие русским языком как родным (язык А) либо как одним из рабочих (языки В или С), нередко наталкиваются на «малозаметные препятствия», ловушки, расставленные нашим языком, на котором, по словам М.В. Ломоносова, «сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства» [Российская грамматика, 1755].

Ещё в XVIII веке Ломоносов был убеждён, что русский язык способен выразить «тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи». «И ежели чего точно изобразить не можем, — продолжал он, — не языку нашему, но недовольному своему в ней искусству приписывать долженствуем» [там же].

Всего лишь через 70 лет — крохотный срок в истории языка — Пушкин в черновой заметке, озаглавленной «О причинах, замедливших ход нашей словесности» и явившейся откликом на статью

А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность», опубликованной в «Полярной звезде» в 1823 году, писал: «У нас ещё нет ни словесности, ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись» [Пушкин, Полн. собр. соч., т. 7. с. 18].

Недостаточное владение переводчиками искусством речи на русском языке способно превратить переводную речь в нечто подобное посмертной маски, холодному слепку с языка оригинала. «Господин офицер!» — как обращение к рядовому полицейскому или чиновнику в переведённых текстах — типичный пример, к сожалению, уже привычной американизации переводчиками русской словесности. Нет нужды в том, чтобы в очередной раз набрасываться на переводчиков с обвинениями в «порче» национального языка. Об этом достаточно написали Гердер, Дю Белле, Сервантес, Данте и многие другие.

Что делать сегодняшнему переводчику? На какие образцы опереться? С экранов телевизоров политики нам обещают, что обязательно *включат* наши предложения в свои программы. Придя на митинг, они во весь голос восхищаются: Сколько *народа* (или *народу*?) на площади!

И переводчики, ежечасно задумывающиеся над формами выражения, продолжают искать образцы, постоянно отшлифовывают своё искусство речи. История учит, что общество не прощает переводчикам речевых ошибок. Кто в истории перевода зарекомендовал себя как лучший? Только тот, кто смог представить свой перевод в изящной форме и тем «прославить» переводящий язык. А неспособных к тому называли «предателями», вспоминая старую итальянскую поговорку “traduttore, traditore” — «предатель — перелгатель».

Участники конференции — переводчики и преподаватели — обсудили множество вопросов функционирования русского языка в самых разных сферах общественной жизни, проблемы перевода с русского языка и на русский язык, проблемы преподавания русского языка русскоязычным и иностранным учащимся.

В этом номере нашего журнала мы публикуем статьи, подготовленные некоторыми участниками конференции по материалам их выступлений.

Редакционная коллегия

Л.А. Борис,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ortografo@yandex.ru

РИТОРИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В статье даётся дидактическое описание риторических упражнений, применяемых в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: риторические упражнения, русский как иностранный, коммуникация, артикуляция, корректировка грамматики.

Ludmila A. Boris,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ortografo@yandex.ru

Rhetorical Exercises in Teaching Russian as a Foreign Language

The article is a description of didactic rhetorical exercises that are used in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: rhetorical exercises, Russian as a foreign language, communication, articulation, grammatical correction.

Обучение иностранному языку, как правило, опирается на печатные тексты учебников, пособий и словарей, а затем на адаптированные или оригинальные художественные, научные и публицистические тексты. В результате даже у самых старательных и успешных студентов возникает психологическая зависимость от зрительно-буквенного образа языка, что тормозит порождение устных форм общения, как в монологическом, так и диалогическом варианте. Несмотря на то, что буквально с первых же занятий в диалоговой форме прорабатываются самые распространённые формы обращений, приветствий и тематических вопросов/ответов, студенты все равно постоянно пытаются подсмотреть в тетради или учебники, что в дальнейшем затрудняет применение этих топиков в обиходе. В этом случае на помощь приходят риторические упражнения.

Безусловно, прогресс даёт нам возможность использования новых технических средств — от простого показа слайдов до интерактивного общения — но достаточно продуктивны и хорошо знакомые, давно апробированные и несколько подзабытые приёмы. Самое главное, — чтобы учащиеся оторвали глаза от текста и продуцировали выученные лексемы и синтагмы сразу в устную речь. Для этого необходимо сфокусировать их внимание на посторонних конкрет-

ных предметах. Например, на небольшом мячике, который нужно перебросить соседу в произвольном порядке, поймать и сказать при этом нужное слово.

Начинаем, как правило, с простых и необходимых лексических наборов: проговариваем по порядку числительные, названия дней недели, месяцев и т.п. Поскольку мяч нужно перебрасывать быстро, развивается реакция, моторика активизирует процесс припоминания, в небольших группах можно проговорить такие списки слов по кругу несколько раз, и это займёт немного времени. Лучше всего помещать эти упражнения в середине занятия, между блоками грамматических упражнений, между разбором текстов и при переходе на другие темы. Такая смена занятий также благотворно отражается и на остальных видах учебного процесса — в силу снятия напряжения, разрядки гиподинамических процессов торможения мозговой деятельности; студенты быстро «входят во вкус» и начинают просить новые упражнения по подобному образцу. Поскольку имена числительные являются очень уязвимой (забываемой и при этом нерегулярно используемой) грамматической категорией, их нужно повторять регулярно, каждый раз направляя грамматическое оформление в другое русло. К примеру, на одном занятии проговаривается повторение второго десятка (11—19) последовательно в различных падежах, в следующий раз — родительного и дательного падежей чисел 101, 222, 333, 444, 555, 666, 777, 888, 999 (в этот набор входит практически полный перечень всех количественных числительных), затем отдельное упражнение на творительный падеж, в котором склоняются все корневые части сложного имени (*восьмьюстами восьмьюдесятью восьмью*) и ещё как минимум одно — на различение категории одушевлённости/неодушевлённости в винительном падеже (вижу: *два стула — двух девушек*). Последнее упражнение можно дать в аудитории, где студенты сидят друг против друга: сначала левый ряд проговаривает количество стульев, а правый — девушек, потом наоборот. В упражнении на числительные особое внимание уделяется артикуляции, которая будет важна и в дальнейшем, но на различительно малозначимых в семантическом отношении наборах слов на неё проще обращать внимание, а затем постепенно вырабатывается привычка следить за чёткостью речи.

К упражнениям с домашними заготовками следует отнести проговаривание скороговорок, стихотворений, монологов, заранее сочинённых и выученных небольших речей (приветственных, учебных, научно-популярных). Скороговорки подбираются как самими студентами в количестве 10—15 штук, так и преподавателем. Целесообразно для начала предоставить обучающимся самостоятельный выбор, отмечая индивидуальные речевые недостатки каждого, а затем составить обязательный список для всех и устроить неболь-

шой зачёт на чёткость и скорость проговаривания. В обязательные примеры должны входить скороговорки на различение *p* и *л* (*Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет; Корабли лавировали-лавировали да не вылавировали*), на шипящие и свистящие (*Шла Саша по шоссе и сосала сушки*), в некоторых группах, преимущественно у китайских студентов, нужны скороговорки на различение *б* и *п* (*Бык тупогуб, тупогубенький бычок, у быка белая губа тупа*), часто встречается произношение *л* как билабиального *w*, нуждающееся в коррекции (*Ах, львы, львы! Не вы ли были у Невы?*). Такие упражнения развивают как артикуляционный аппарат, так и слуховое смысловозначительное восприятие. Самостоятельно подобранные скороговорки проговариваются в игровой форме по цепочке, обязательные — на время, для чего используются песочные часы, приковывающие зрительное внимание. Для закрепления стоит поручить студентам продиктовать однокурсникам незнакомые, часто неожиданные (типа: *Повадился дебил бодибилдингом заниматься*) скороговорки, — в этом случае чтецы особенно стараются, а пишущие показывают реальный уровень восприятия.

Аналогичным образом проговариваются пословицы и афоризмы: при контакте «глаза в глаза», без вспомогательных записей и распечаток. Задача преподавателя — рекомендовать тематику и ограничить объём высказывания. Как правило, предложения должны быть короткими и чётко структурированными, в этом случае они легко запоминаются и цитируются в дальнейшей практике. Традиционно на занятиях будущих переводчиков мы берём темы, связанные с языком и речью: *Сказанного не воротить* (посл.); *Краткость — сестра таланта* (А. Чехов), а также дающие общую оценку явлений: *Лучшее — враг хорошего* (посл.); *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (В. Черномырдин).

Ещё один тип упражнений, связанный с коммуникативным раскрепощением, напоминает игру «в ассоциации»: студенты перебрасывают мячик и продолжают логическую цепочку, например: *«пришёл-увидел-победил-казнил-короновал-построил-создал-руководил-...»* или: *«весна-солнце-тепло-зелень-цветы-...»*. Как правило, самыми сложными являются глагольные цепочки, поэтому начинать нужно с простейших упражнений: называть цвета и оттенки, названия блюд, предметов мебели, имена, названия городов. Постепенно задача усложняется и условий становится все больше: нужно называть определённые части речи, избегать имён собственных и повторений, в дальнейшем можно разделить группу на подгруппы, в которых преобладали бы позитивные и негативные лексические значения. Например, в теме «весна» один ряд называет существительные *«солнце-цветы-тепло...»*, а другой — *«слякоть-сырость-грипп...»*.

При чтении студентами монологов и монофонов (тексты, специально подобранные для произнесения однотипных звуков), остальная часть аудитории обязана дать оценку не лично человеку, а качеству его речи, т.е. не *хорошо/плохо*, а: *чётко, тихо, медленно, понятно, выразительно* и т.д. Оценочные лексемы отрабатываются также при задаче «сказать что-нибудь приятное человеку вообще и конкретному человеку в частности»: «Очень симпатичная причёска», «У тебя приятная улыбка» и т.д. Compliments должны быть как общими: «Хорошо выглядишь», — так и частными: «Красный цвет тебе идёт». Все это также сопровождается игрой в мяч, чтобы следующий поймавший мяч человек отреагировал немедленным «спасибо» и был готов сказать спонтанный комплимент практически каждому человеку в группе. Беседа «по цепочке» может вестись на любую нейтральную тему: погода, искусство, учёба, праздники и т.д.

Старосветская игра со времён Петра I «*Вы поедете на бал?*» также может служить отличным риторическим упражнением для развития коммуникативных навыков. В детском варианте условия ответов на вопросы звучат так:

Не смеяться, не злословить,
Губы бантиком не строить,
«Да» и «нет» не говорить,
Чёрный с белым не носить...
Вы поедете на бал?

Ответы на вопросы не должны содержать «запретных» слов:

- Возможно.
- Вы поедете в карете?
- Скорее всего, в карете
- А какими будут лошади?
- Серые. В яблоках.
- Что вы оденете на бал?
- Красивое платье.
- Конечно, белое?
- Голубое.
- Его сошьют специально для этого бала?
- Конечно же.
- И Вы будете на балу самой неотразимой дамой?
- Обязательно.
- Вы возьмёте с собой служанку?
- Служанку не возьму, со мной поедет жених.
- Как зовут жениха?
- Георгий.
- Конечно же, он вас любит?
- Да. **Ой!**

В продвинутых группах, с развитым лексическим запасом, можно сыграть и по старинному образцу, но больший успех имеют более современные вопросы. Сначала студенты задают самые бытовые и ходовые: «Ты пойдёшь обедать?», «Ты сделала упражнение?», затем начинают проявлять изобретательность и придумывают более провокационные вопросы: «Ты поссорилась с соседкой?», «Какого цвета доска?», «Ты хочешь поехать в Париж на каникулах?». Сначала запоминаются самые простые варианты ответов: повторение глаголов «*пойду, хочу, не знаю, не думаю*», а также применение вводных слов «*наверное, может быть, конечно*». К следующему занятию студенты приходят уже более подготовленными, они начинают употреблять расширенные утвердительные и отрицательные конструкции: «*скорее всего, ни в коем случае*», а также учатся отвечать не односложными *да-нет*, а полными предложениями: «Я ещё думаю над этим», «Доска очень тёмная», «Не уверен, что у меня будет время».

Есть другая игра, более современная: «Угадай, *чьё имя написано у тебя на лбу*». Игра простая: каждому на лоб клеится бумажка с именем персонажа или реального человека, которое видят все, кроме него. По очереди игроки задают всем вопросы и получают односложные ответы «*да-нет*». В ней как раз оттачивается мастерство задавания вопросов, а также описания внешности, ненавязчиво корректируемые преподавателем, т.е. вопросы: «У меня волосы белые?» — вызывают уточнения: «Что значит белые: седые, светлые, крашеные?». Обычно такие игры требуют предварительной подготовки, в которой студенческая аудитория рассказывает об известных ей личностях, а следовательно, лексический материал проговаривается дважды: в повествовательной и вопросительной формах.

Подобные игры и упражнения, как правило, сближают аудиторию, смешные моменты вызывают чувство лёгкости и непринуждённости общения на иностранном языке. Если попросить просто описать картину или архитектурный памятник — это будет воспринято как учебное скучное задание и выражено соответствующими скудными средствами русского языка. Если же объявить группе: «Я завтра еду в такой-то город. Кто там был?», то на вопросы «А что посмотреть? А где покушать? А дорого?» будут даны максимально развёрнутые и живые ответы. Как показывает практика, применение специальных риторических упражнений полезно на всех уровнях обучения языку: на фонетическом, грамматическом, лексическом и синтаксическом. Ненавязчиво усваиваются фразеология и этикетные формулы, а самое главное — снимается боязнь речевых актов на иностранном языке, устраняется «языковой барьер», повышается коммуникативная успешность будущих переводчиков. В статье приведены примеры упражнений, апробированных на занятиях со студентами Высшей школы перевода МГУ.

Н.И. Голубева-Монаткина,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода
(факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: golmonatal@mail.ru

М.Л. ГАСПАРОВ О ПЕРЕВОДЕ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Статья представляет собой небольшую подборку высказываний М.Л. Гаспарова (извлеченных из его книг, статей и писем) о переводе и переводчиках.

Ключевые слова: перевод, переводчик, роль переводчика в обществе, переводческий комментарий.

Natalia I. Golubeva-Monatkina,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: golmonatal@mail.ru

Mikhail L. Gasparov on Translation and Translators

The article is a small collection of Mikhail L. Gasparov's utterances (in the form of citations taken from his books, articles and letters) about translation and translators.

Key words: translation, translator, translator's social role, translator's commentary.

Многoletняя переводческая деятельность и рефлексия на эту тему дали возможность Михаилу Леоновичу Гаспарову (1935—2005), крупнейшему отечественному филологу, литературоведу, автору многих трудов по античной литературе, поэтике, стиховедению, великолепному стилисту, академику РАН, выработать свою переводческую концепцию, фрагменты которой представлены далее в форме цитат, в частности, из его опубликованных писем.

О месте переводчика в обществе: «А что могу делать я (...) ? Только то, что я и делаю: заниматься просвещением. Пусть мои античные переводы и статьи с комментариями — дело не первой, а десятой важности, но и оно нужно. Япония после 1868 года так быстро догнала Европу потому, что стала срочно переводить не только учебники по металлургии и пушечному делу (как у нас при Петре I), а и Шекспира и Эпиктета. Я не могу простить Солженицыну обидного слова «образованщина». Без этой образованщины (а по старинному говоря, просветительства) ни в России, ни в Африке — нигде ничего не получится» [Гаспаров, 2006а, с. 183]. «(...) когда я работаю, я всегда помню, для кого я это делаю, какому множеству полубразованных читателей предстоит формировать свой вкус по тому, что сообщаем им мы, переводчики и историки культуры, — и от этого мне бывает легче» [там же, с. 152—153]; «(...) перевод — дело культурно-полезное, а статья при переводе может сказать гораздо больше, чем статья (или даже книга) без перевода» [Ваш М.Г., 2008, с. 357].

«Вместо преподавания я старался служить просвещению переводами (...). Как выбирались переводы? (...) я заполнял пробелы, переводил непереуведенное, переводить по второму разу уже переуведенное было бы роскошью. Для кого предназначались переводы? Для грамотного неспециалиста («для культурного инженера», говорили при советской власти; я сам себя чувствовал таким культурным инженером, поэтому что-то получалось): я и просветительские комментарии пробовал делать по-новому, именно для такого читателя (...)» [там же, с. 294]. И ещё «наше (...) дело было учить людей взаимопониманию. Через рационализм («дважды два для всех четыре»), через осознание своего отношения к языку, через самоотчёт о том, как мы приходим к пониманию текстов (это уже моя область). Эта служба связи — дело филологии (...)» [там же, с. 290].

О переводе: «(...) перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задаёт подлинник, что он может, определяют средства его языка; что он хочет — это его предпочтения и вкусы, по которым он отбирает что-то из этих средств» [там же, с. 397]; «(...) я очень хорошо помню, какие знания, суждения и вкусы отложились во мне от таких-то впечатлений, разговоров, лиц и (больше всего) книг, и чувствую себя передатчиком всего этого, собранного и переработанного, моим собеседникам и читателям. Передатчик, посредник, вроде переключателя на электрических проводах. (...) чтобы добиться прозрачной безличности в переводе, нужно самому быть личностью. Среди русских переводчиков для меня идеал такого самоотречения — М. Лозинский. Переводчик Данте (полностью), Шекспира и иной классики» [Гаспаров, 2006а, с. 154—155].

«В каждой развитой культуре классические памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а в нескольких переводах. Каждый перевод, сколь бы он ни был превосходен, проецирует многомерную сложность подлинника на плоскость, делает оригинал упрощённым и представляет его односторонне. Сопоставляя два или несколько переводов, читатель может получить как бы стереоскопическое изображение оригинала, увидеть его с разных сторон. Старый перевод может остаться памятником переводящей литературы, шедевром ее, но этим он не может закрыть дорогу новым переводам, которые хотят увидеть новое в классическом памятнике (...). Перевод Лозинского изумителен, он разом отстранил и заслони́л все прошлые переводы. Он прочен и точен; он ещё долго будет перепечатываться как образцовый, но нельзя допускать, чтобы в читательском сознании он намертво срастался с подлинником и подменял его. Данте, создавая “Комедию”, создавал итальянский поэтический язык; порой наглядно видно, как

он с трудом обходит перифразами самые ответственные места, убирая швы между несмыкающимися словами с помощью предлогов и союзов. Лозинский, создавая свой перевод, был во всеоружии русского поэтического языка, он мог достичь того, к чему Данте только стремился, его слова пригнаны одно к одному без зазора, его перевод незыблем и монументален; угадать в нем тот трепет напряжения, которому посвятил целую книгу Мандельштам, невозможно. В современном поэтическом поколении это уже считается недостатком (...). Я не могу сказать, что меня лично удовлетворяет в новом переводе всё. Здесь есть неточные рифмы — явление для Данте нехарактерное (...). Разговор о точности — особый. (...) сейчас повышается спрос на точность смысла, не передаваемую никаким стихом. Я с нетерпением жду, когда у нас будет издан прозаический перевод “Ада”, сделанный 40 лет назад Б. Зайцевым. (...) можно с уверенностью сказать, что новый перевод ровно настолько же точен, как старый (...). 77—79% — очень высокий процент точности (...)» [Гаспаров, 2006б].

«Коэффициент точности» — это процент слов подлинника, сохраненных в переводе, “Коэффициент вольности” — это процент слов перевода, добавленных без всякого соответствия с подлинником. Их можно рассчитать отдельно для каждой части речи — будет видно, что переводчики стараются сохранить существительные и прилагательные и вольничают с остальными словами, им важнее, о чем, чем что сказано. Это позволяет точно подсчитать, во сколько раз Брюсов переводил точнее Бальмонта или Вяч. Иванова. Особенно это видно на переводах с подстрочника. Был закрытый конкурс переводов из Саломеи Нерис с двух, общих для всех, подстрочников; кончился провалом, ни одной первой премии. (...), самые точные переводы оказались самыми безобразными. Из этого следует, что «точный» и «хороший» вещи разные (...)» [Гаспаров, 2008, с. 304].

«Переводя, читаешь текст внимательнее всего: переводы научили меня античности больше, чем что-нибудь иное» [там же, с. 294].

«Поэмы, в которых главное — рассказ, могут нравиться и в переводе; поэмы, в которых живёт и звучит каждое слово (а таков весь Вергилий), требуют переводчика — языкотворца, какие бывают редко» [Гаспаров, 2000, с. 110]; «(...) русский Вергилий ещё не нашёл своего Гнедича: даже лучшие стихотворные переводы делают его безошибочный стиль то слишком тяжёлым, то слишком лёгким. Поэтому я избегал цитат, а при необходимости давал их в прозе» [там же, с. 147]. «Язык и стиль — та область поэзии, о которой менее всего возможно судить по переводу» [там же, с. 154]. «Что Энциенсбергер большой поэт, было видно даже по посредственным русским переводам (...)» [Гаспаров, 2006а, с. 154].

«Я не имею права называть себя переводчиком с немецкого, я сам учусь языку на этих переводах (...). Поэтому я не выбираю пока авторов для себя, а пользуюсь теми, которых мне предлагают, но из каждого перевожу вдвое больше, чем от меня требуют — чтобы “войти” в писателя, почувствовать не только немецкий язык, но и “его” язык... Если Вам кажется, что есть какой-то поэт, подходящий, “похожий на меня”, — порекомендуйте, пожалуйста, или пришлите: это для меня будет не только упражнением в языке, но и лишним способом “познать самого себя”» [там же, с. 151—152].

«Для меня такой стиль, которого не замечаешь и через который, как через прозрачное стекло, видишь и людей и поступки, — величайшее достоинство. Так умели писать рационалисты XVIII века: Вольтер, Свифт, Лессинг (...). Переводить такой прозрачный стиль фантастически трудно. Лессинг не зря писал басни: из всех античных авторов, каких мне приходилось переводить, труднее всего были простейшие басни Эзопа. Именно потому, что они были “без всякого стиля”» [там же, с. 164—165].

«Русский язык — не мертвый, как древнегреческий; но оказывается, что это мало облегчает стилистическое творчество. Создать новый русский стиль для передачи иноязычного стиля, не имеющего аналогов в русском литературном опыте, — задача величайшей трудности. На античном материале я знаю только две удачи: перевод “Илиады” Н. Гнедича и перевод “Золотого осла” М. Кузмина. И замечательно, что подвиг Гнедича, который фактически сделал гораздо больше, чем думал, — создал новый искусственный русский поэтический язык, вполне аналогичный искусственному поэтическому языку греческого эпоса, — остался совершенно беспоследственным. Этим языком не овладел никто — даже настолько, чтобы перевести им хотя бы «Одиссею» и не удивлять российского читателя разительной несхожестью двух классических переводов двух гомеровских поэм, “Илиады” Гнедича и “Одиссеи” Жуковского» [Гаспаров, 2008, с. 302].

О *комментарии*: «Комментарий — это перевод: перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств. Комментарий — это продолжение словаря: словарь говорит нам, чем такое-то иноязычное слово похоже на русские слова, а комментарий уточняет, что оно непохоже. Нейтрального перевода, как и нейтрального комментария, не существует: перевод начинает интерпретацию текста, комментарий её продолжает. Поэтому комментарий не должен стесняться истолковательских средств перевода — таких, например, как развернутое оглавление или краткий пересказ (“Вступление, обращение к Музе, строки такие-то; экспозиция, воспоминание о прошлом, строки такие-то...”). Не надо думать, что читатель сделает это сам: он или совсем этого не сделает, или сделает совсем

не так, как мы ожидаем. Набоков дал краткий обзор композиции каждой главы “Онегина”, но плохо, а Лотман совсем его не дал, и напрасно» [Гаспаров, 2004а, с. 73].

«(...) я очень хорошо помню, как я сам постепенно (с детства и, пожалуй, по студенчеству) узнавал античность (и многое другое), что вслед за чем, из каких книжек, с какими трудностями, с какими счастливыми и несчастными случайностями и пр.; примечания всякого рода тут играли очень большую роль, и мне хотелось их отблагодарить. Может быть, сказала и другая знакомая мне черта: перед текстом (и перед человеком) я чувствую себя немым и ненужным, а перед текстом с комментарием (и перед разговором двух людей) понимающим и соучаствующим. А затем я обычным образом переношу непропорционально свой опыт на других, хочу дать им то, чего сам был лишён и пр. Поверьте мне в одном: хоть я и много писал комментариев, но ощущаю себя не писателем, а читателем комментариев, от его лица я и пытался говорить» [Ваш М.Г., 2008, с. 38].

«Я рос на античных переводах со статьями и комментариями Ф.Ф. Зелинского и старался отрабатывать то удовольствие, которое когда-то получил от них (...). Я хорошо помню, как я рос, какие книги читал, чего мне не хватало, и я старался дать новым читателям именно то, чего недоставало мне. Разумеется, статьи мои были компилятивные: чтобы донести до русского читателя как можно больше из того, до чего додумалась западная филология насчет Горация или Вергилия. (...) я старался покрепче логически связать обрывки прочитанного и потуже их умять в полтора листа вступительной статьи к очередному античному автору. Потом иногда с удивлением приходилось слышать: “Какие у вас оригинальные мысли!”. Вероятно, они появлялись сами собой от переупаковки чужого. Комментарии тоже были компилятивные, “импортные” (...)» [Гаспаров, 2008, с. 295].

«Кстати, когда я призывал к большим комментариям античных переводов (...), мне хотелось, чтобы они именно давали читателю установку внимания на то, что он при нынешних своих привычках упустил бы» [Ваш М.Г., 2008, 65]. «Для комментариев пришлось вырабатывать новые формы. Сто лет назад комментарии были рассчитаны на читателя, который после школы сохранял смутное общее представление об античной истории и культуре, и нужно было только подсказывать ему отдельные полузабытые частности. Теперь, наоборот, читатель обычно знает частности (кто такой Сократ, кто такая Венера), но ни в какую систему они в его голове не складываются. Стало быть, главное в современном комментарии — не построчные комментарии, а общая преамбула о сочинении в целом и о той культуре, в которую оно вписывается (...). Бывают эпохи,

когда комментарий — самое надёжное просветительское средство. Так, Кантемир снабжал свои переводы Горация (...) примечаниями к каждому слову, из которых складывалась целая подстраничная энциклопедия римской культуры и жизни» [Гаспаров, 2008, с. 295]. Однако «таких комментариев, которые по-настоящему помогают читателю, я почти не знаю ни на каком языке» [Гаспаров, 2006а, с. 188].

«Комментарий хорош, когда написан просто» [Гаспаров, 2008, с. 295]; он «должен быть связан и целен, потому что его организует комментируемый текст (...)» [Ваш М.Г., 2008, с. 38]; нужно постараться, чтобы по объёму примечания «не превосходили текст, а были меньше или равны» [там же, с. 18].

А может быть комментарии вовсе не нужны? «Приятно писать в примечаниях: *Яссин* — объяснить не можем: как будто расписываешься в принадлежности к роду человеческому. Комментарий нужен, чтобы читатель знал, чего он имеет право не понимать (и, стало быть, что обязан понимать)» [Гаспаров, 2008, с. 28]. Так, по поводу «Баудолино» У. Эко, «спасибо издательству, — что в нём есть послесловие от переводчика. Там говорится об источниках Эко — это очень важно, потому что все вещи Эко прямо-таки вызывают о прижизненном комментарии. И там говорится о задачах переводчика: мне кажется, что эти замечания во многом интереснее, чем те сказочки, которые мы читаем в самой книге Эко» [Гаспаров, 2004б, с. 298].

Список литературы

- Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое изд-во, 2008. 452 с.
- Гаспаров М.Л. Об античной поэзии. СПб.: Азбука, 2000. 480 с.
- Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // НЛО. 2004. № 66. С. 71—74 (а).
- Гаспаров М.Л. Стиль поломанной цивилизации // НЛО. 2004. № 70. С. 298—300 (б).
- Гаспаров М.Л. «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М.Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981—2004 / Подг. текста и публ. М.-Л. Ботт // НЛО. 2006. № 77. С. 145—249 (а).
- Гаспаров М.Л. О новом переводе «Ада» Данте, выполненном В.Г. Маранцманом // Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад. Чистилище. Рай / Пер. с итал. В. Маранцмана. СПб., 2006. С. 5—8 [http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-marancman.php] (б).
- Гаспаров М.Л. Записи и выписки. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 387 с.

Е.С. Грибановская,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: len_gri@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЧУЖОГО» В ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена концепту «чужого» в рамках переводческой деятельности. Особое внимание уделяется истории развития перевода, смене подходов и взглядов на перевод. Подчёркивается, что современный этап характеризуется возникновением концепции, основанной на связи между культурой и языком. В статье рассматривается понятие «чужое» с лингвистической и культурологической точки зрения, а также различные подходы при переводе такого рода явлений. Проводится дифференциация между смежными терминами, на основе которой делается вывод, что в рамках теории перевода «чужое» может определяться как языковая реалья. Однако «чужое» может проявляться не только на лексико-семантическом уровне. Это говорит о том, что данное понятие не ограничивается рамками лингвистики, а сам перевод должен рассматриваться шире, чем посредничество в рамках коммуникативного акта, т.е. как процесс познания «чужой» культуры.

Ключевые слова: перевод, «чужое», языковая реалья, безэквивалентная лексика, культурологический подход, доместификация, форенизация.

Elena S. Gribanovskaya,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: len_gri@mail.ru

The Concept of “Alien” in Translation

The article is devoted to the concept of “alien” in translation. Special attention is paid to the history of translation, changing attitudes and views of this subject. It is emphasized that the present stage is characterized by the emergence of a concept based on the relationship between culture and language. This article discusses the concept “alien” from the linguistic and cultural points of view, as well as different approaches to translating this phenomenon. Differentiation between related terms is made and it is concluded that under the theory of translation “alien” can be defined as foreignism. However, a foreignism can manifest itself not only on the lexical-semantic level. This suggests that the concept is not limited to linguistics and translation should not be considered as mere mediation in the communicative act but as a process of learning a foreign culture as well.

Key words: translation, alien, foreignisms, words without equivalents, cultural approach, domestication and foreignization (alienation).

Что такое перевод? В широком понимании переводом можно считать процесс передачи письменного или устного сообщения с одного языка на другой. Но многогранность и сложность этого понятия не может быть выражена в одном определении. Понятие «чужое» тесно связано с переводческой деятельностью. В процессе перевода переводчику непрерывно приходится соприкасаться с концептами другой культуры. Некоторые из них имеют эквиваленты в языке перевода и не представляют большой трудности для пере-

дачи их на другой язык, другие же, напротив, являются понятиями, неотражёнными ни в культуре, ни в языке перевода, которые и являются тем «чужим», что требует особого внимания.

Перевод возник десятки тысяч лет назад, а вместе с ним и многочисленные подходы и трактовки этого понятия, которые менялись с течением времени и истории. Так, философы древней Греции использовали перевод как упражнение по развитию речи, делая его незаменимым инструментом ораторского искусства. Первые размышления о переводе мы находим в рассуждениях Цицерона о его переводческом опыте и в работе Горация «Поэтическое искусство». Оба древнегреческих философа видели перевод как риторическое упражнение, отмечая в то же время сложность и противоречивость этого процесса.

С течением веков взгляд на перевод меняется, и начинают формироваться его первые теоретические основы. Св. Иероним формулирует основной принцип перевода: переводить не отдельные слова, а смыслы. Просветительская и религиозная миссия, возложенная на перевод, не могла не отразиться на его роли. Перевод становится не просто инструментом, а «священным действием», целью которого было сделать понятным текст Священного писания для народов всего мира.

Кроме религиозно-просветительской роли перевод также имел важное значение в формировании языков, став способом их совершенствования и развития. Так происходит во Франции благодаря переводам с греческого Ж. Амио, в Германии — благодаря М. Лютеру и его переводу Библии на немецкий язык, в Англии — благодаря «Библии Короля Якова», сформировавшей современный английский язык. Переводческая деятельность того периода была направлена не только на совершенствование своего языка, но и на просвещение, делая возможным знакомство читателей с произведениями авторов из других эпох и культур.

В другую историческую эпоху, так называемых «прекрасных неверных», перевод был способом создать «прекрасное» произведение, если даже оно и отличалось от подлинника, т.е. было «неверным». Переводчикам допускалось вносить ряд изменений в текст, если это, по их мнению, было продиктовано необходимостью, хотя чаще такая стратегия была не больше, чем уход от проблемы непереводимости. Такой подход к переводу также был направлен на развитие словесности и был продиктован и оправдан своим временем.

Что касается современной теории перевода, она возникла и сформировалась в рамках науки о языке. Долгое время перевод для лингвистики был главным образом инструментом компаративного анализа. Позже, в рамках самостоятельной дисциплины, теория перевода уже в свою очередь начала применять лингвистические

принципы для анализа переводческих явлений, что породило формирование нового лингвистического направления в теории перевода, где перевод рассматривается с точки зрения языковых явлений (Федоров). Необходимо отметить, что наряду с лингвистическим подходом существует подход литературоведческий, с точки зрения которого текст перевода рассматривается во всей его целостности, при этом анализируются не только решения переводчика, но и эмотивный эффект, которым обладает произведение. Данные два подхода за счёт своей противопоставленности являются для теории перевода взаимодополняющими.

С постепенной популяризацией сосюрховской дихотомии «язык-речь» на первый план выходит речевая деятельность, что не могло не отразиться на теории перевода. Новый подход рассматривает перевод как особый вид коммуникации с участием двух языков (Швейцер), где на первый план выходят внеязыковые факторы коммуникативной ситуации — культурные, социальные, психологические.

Все вышеперечисленные подходы так или иначе связаны с языком: риторика, словесность, лингвистика, коммуникация — с какой бы точки зрения мы не рассматривали перевод, речь будет идти о тех или иных гранях языковых явлений. Даная особенность вполне объяснима, ведь перевод всегда имеет дело с языком. Но есть ли что-то за текстом и выраженными в нем словами? Или же перевод ограничен в его языковых рамках? Уже Св. Иероним говорил о превосходстве смысла над словом. Перевод, таким образом, становится не отражением текста оригинала, а отражением смыслов, заложенных в нем. А смысл в свою очередь является отражением другой культуры. С данной, культурологической, точки зрения перевод можно рассматривать как переход от одной культуры к другой, как способ познать «чужое», где главным принципом становится верность смыслу, а не слову. Перевод, таким образом, представляет собой не просто посредничество, а процесс, в котором идет постоянное взаимодействие с «чужим», его менталитетом, эстетикой и культурой, что связано не только с языковой перспективой, но и с антропологией и герменевтикой (Берман). Само понятие «чужое» возникло в рамках учения об искусстве понимания ещё в Античные времена, позже получило широкое рассмотрение в работах немецких философов Шлейермахера, Гадамера, Хайдеггера. В рамках герменевтики «чужое» понимается как субъективность автора и читателя.

Перевод смотрит на «чужое» с несколько иной точки зрения. Здесь можно выделить три подхода. Первый рассматривает «чужое» с позиции перевода как процесса, тогда «чужое» будет выражаться в виде интерпретации переводчика. Если мы говорим о переводе как о результате, то «чужим» становятся искажения в тексте пере-

вода. Оба этих подхода связаны со сложностью такого феномена, как перевод, и с его особенностями как особого вида двуязычной деятельности. Но «чужое» также может пониматься с точки зрения культурного содержания текста оригинала и перевода. Понимание перевода как переход от одного языкового кода к другому представляется слишком узким. Так, М. Снелл-Хорнби считает, что современные концепции, рассматривающие язык как код, а высказывание — как цепочку знаков, устарели и применимы лишь для машинного перевода [Snell-Hornby, 1988]. Современная теория перевода предлагает новую концепцию, основанную на связи между культурой и языком, который по своей сути является лишь звуковым и буквенным отражением культурного своеобразия того или иного народа. Таким образом, то «чужое», с чем постоянно сталкивается перевод, — это то, что не выражено в языке перевода, явления культуры исходного языка, отсутствующие в культуре языка перевода.

Проблема «чужого» долгое время рассматривалась главным образом на лексико-семантическом уровне, где «чужое» принимало формы таких языковых явлений, как безэквивалентная лексика, лакуны, экзотическая лексика, или экзотизмы, варваризмы, фоновые слова и страноведческая лексика, коннотативная лексика, языковые реалии. Ввиду того что эти понятия зачастую отождествляются одно с другим, для теории и практики перевода становится важным вопрос об их дифференциации.

Проблема перевода такой лексики находит отражение в работах многих ученых, как отечественных, так и зарубежных, каждый из которых понимал что есть «чужое» по-своему. Необходимо отметить, что большинство исследований, проведенных в этой области, имеют отношение к лингвистической науке, а не к теории перевода. В этой связи определение понятия «чужого» в рамках непосредственно перевода и отграничение его от других смежных с ним понятий представляет особый интерес.

Под безэквивалентной лексикой понимаются языковые единицы, не имеющие регулярных переводческих соответствий в другом языке. Г.В. Шатков, анализирувавший способы перевода безэквивалентных лексических единиц в советской публицистике на норвежский язык, был одним из первых, кто ввёл этот термин, к которому он относит имена собственные, национальные реалии, слова с национально-экспрессивной окраской. Позднее Г.В. Чернов внёс значительные коррективы в теорию слов, выделяемых при сопоставлении словарного состава русского языка с лексическими единицами другого языка. Он ввел понятие «полная безэквивалентность» и дал своё толкование термина, предложенного его предшественником: безэквивалентными, по его мнению, являются слова, «не

имеющие постоянного, устойчивого эквивалента в словарном составе другого языка» [Чернов, 1958, с. 223]. Л.С. Бархударов, сопоставляя исходный язык и язык перевода, относит к безэквивалентной лексике «слова и устойчивые словосочетания одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов, 1975, с. 240].

Таким образом, все исследователи рассматривали понятие «безэквивалентной лексики» в рамках сравнения двух языков, и использование данного термина представляется возможным только в рамках какой-либо конкретной языковой пары, причём разные пары исходного языка и языка перевода будут иметь различные несовпадения и как следствие разные словари безэквивалентной лексики. Последнее утверждение делает данное понятие предметом исследования компаративной лингвистики, но не теории перевода, предметом которой является изучение переводческой деятельности в целом, а не пары конкретных языков.

Некоторые исследователи, рассматривая расхождения в языках и в культурах, предпочитают термин «лакуна» «Советский энциклопедический словарь» под ред. А.М. Прохорова даёт следующее определение лакуны применительно к лингвистике и литературоведению: «пробел, пропуск, недостающее место в тексте». Такое же определение лакуны как филологического термина находим и в «Словаре иностранных слов».

Канадские лингвисты Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые первыми ввели в научное употребление термин *лакуна*, определяли его как явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке. Здесь, как и в случае с безэквивалентной лексикой, речь опять же идёт о языковых парах и языковых единицах, такой сугубо лингвистический подход представляется слишком узким для теории перевода.

Что касается экзотизмов, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет данное понятие как слово и выражение, заимствованное из малоизвестных языков, обычно неиндоевропейских, и употребляемое для придания речи особого местного колорита. Ближе к нему по значению понятие «варваризм», которое также является иноязычным заимствованным словом. Варваризмы не входят в лексический состав соответствующего языка и не зафиксированы словарями иностранных слов. Данные два понятия относятся к лексикологии того или иного языка, в то время как перевод — это биполярный процесс, в рамках которого происходит постоянное взаимодействие двух полюсов — исходного языка и языка перевода.

Под фоновой лексикой понимаются слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на

его основное значение, известные носителям данной языковой культуры. Фоновая лексика включает в себя также страноведческие знания, т.е. те сведения, которыми располагают все члены определённой этнической или языковой группы. Такие знания — часть национальной культуры, результат исторического развития.

Коннотативная лексика представляет собой слова, совпадающие по основному значению, но различающиеся по культурным и историческим ассоциациям, то есть слова, которые кроме основного значения служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоциональных и оценочных оттенков и могут придавать высказываниям торжественность, игривость, фамильярность и т.п.

Оба этих понятия, фоновая и коннотативная лексика, применяются, таким образом, относительно специфических и дополнительных символических смысловых оттенков, не уделяя большого внимания культурному колориту, и, как правило, рассматриваются только в диахроническом аспекте, т.е. относительно современного исторического периода.

Еще одно понятие, рассматривающее категории «своё»—«чужое», но уже с культурологической точки зрения и с точки зрения национальной специфики, — это реалии: «слова, обозначающие предметы, понятия или ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [Бархударов, 1975, с. 95]. Термин «реалия» применим как к предметам и явлениям внеязыковой действительности и к соответствующим им культурным концептам, так и к языковым единицам (словам и фразеологизмам), обозначающим их в языке. Ряд исследователей определяют языковые реалии как наименования предметов и явлений материальной и духовной культуры, отражающие образ жизни и специфику мировосприятия определённого культурно-языкового сообщества и отсутствующие в других языках. Здесь речь идёт уже не о сравнении каких-либо пар языков и об отсутствии определённых лексических единиц, а о том, что стоит за этими единицами, то есть о культурных концептах.

Таким образом, мы видим, что применительно к теории перевода наиболее близким понятием является именно реалия, но если с культурологической точки зрения реалии — то «специфическое», что присутствует в каждой культуре и отличает её от других (и как следствие отражается в языке), с точки зрения теории перевода реалии — это то, что отсутствует в других культурах и языках и требует особого подхода при переводе. То есть мы концентрируемся не на наличии того или иного культурологического явления, а на его отсутствии.

Но связано ли «чужое» только с лексемами и отраженными через них понятиями, или оно может принимать и другие формы? Говоря о «чужом» как о явлении культурологическом, следует по-

нимать, что культура может проявляться в тексте не только на лексико-семантическом уровне. «Чужим» с точки зрения перевода может стать понятие, относящееся к другой эпохе или диалекту того или иного языка. «Чужое» также может проявляться на ситуативном уровне, когда одна и та же ситуация будет приемлемой в одной культуре и одной эпохе и абсолютно чуждой в другой. Всё это грани одного понятия, «чужое» может принимать в тексте разнообразные формы, и задача перевода сделать это «чужое» понятным для носителей другой культуры.

Для передачи такого рода явлений выделяются два основных подхода: одомашнивание, или доместификация, и остранение, или форенизация. Данные термины впервые появились в работе Л. Венути «Стратегии перевода». Первое определяется как адаптация текста оригинала к культуре языка перевода, второе — как сохранение своеобразия и особенностей текста оригинала [Venuti, 1988]. Однако Л. Венути был далеко не первым, кто задумался об этой проблеме, рассуждения об этом вопросе мы находим уже у Шлейермахера. «Либо переводчик делает всё возможное, чтобы оставить в покое писателя, и движет ему навстречу читателя, либо он делает всё возможное, чтобы оставить в покое читателя, и движет ему навстречу писателя. Эти два пути настолько отличны друг от друга, что, встав на один из них, нужно пройти его до конца со всей возможной строгостью. От попытки пройти оба пути сразу можно ожидать лишь самых сомнительных результатов с риском потерять как писателя, так и читателя» [цит. по: Эко, 2006, с. 230]. Сегодня столь строгий критерий представляется довольно спорным, для современных текстов важна гибкость выбора приёмов и стратегий перевода, и выбор ориентации на текст-источник или на читателя может изменяться от предложения к предложению. Только соблюдая баланс между двумя членами этой оппозиции и употребляя те приёмы, которые наиболее уместны в той или иной ситуации, возможно как подвести читателя к пониманию лингвистического и культурного универсума оригинального текста, так и сделать текст доступным для читателя, принадлежащего к другому языку и культуре.

Что же такое перевод? Упражнение риторики, религиозно-просветительский инструмент и способ совершенствования словесности, часть лингвистики, особый вид коммуникации или же познание «чужого»? Современная наука о переводе характеризуется междисциплинарностью и представляет собой «комплекс взглядов, представлений и идей, направленных на истолкование и объяснение разных сторон переводческой деятельности с разных научных позиций» [Гарбовский, 2004, с. 202; Гарбовский, 2008, с. 45]. Представляя собой процесс многосторонний, перевод не может быть

рассмотрен с какой-либо одной точки зрения, он требует разностороннего подхода, при котором выделить один из них было бы неверным. Будучи взаимодополняющими гранями одного явления, они и составляют то сложное понятие, которое мы называем переводом. Однако необходимо отметить, что каждая эпоха характеризуется выбором вектора исследований, общей парадигмы, и можно говорить о том, что сегодня подход к переводу с точки зрения познания «чужого» является основополагающим. Долгие годы перевод рассматривался с системно-структурных позиций, имея перед собой цель создания универсальной модели перевода. Современная теория перевода концентрирует своё внимание не столько на внешней структуре перевода, сколько на его внутренней сути. Перевод, таким образом, понимается как нечто большее, чем просто посредничество в рамках коммуникативного акта. Сталкивая две культуры, перевод делает возможным не только постижение чужой действительности, но и делает её частью своей.

Список литературы

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1969.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
- Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004, 2008.
- Опарина Е.О. Язык и культура: Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1999.
- Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (гл. ред.). 6-е изд., перераб. и доп. М.: Сов. энциклопедия, 1964.
- Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М., 1981.
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1983.
- Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. М., 2001.
- Чернов Г.В. Вопросы перевода русской безэквивалентной лексики на английский язык // Учён. зап. I МГПИЯ. Т. 16: Грамматика, лексикология и стилистика. М., 1958.
- Шатков Г.В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Швейцер А.Д. Теория перевода. М., 1988.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европейский дом, 2004.
- Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 2.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006.
- Berman, A. L'épreuve de l'étranger: Culture et traduction dans l'Allemagne romantique. Paris: Gallimard, 1984.
- Snell-Hornby, M. Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam: Benjamins, 1988.
- Venuti, L. Strategies of translation. Baker, ed., 1988.

М.Н. Есакова,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru

ПЛЕОНАЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ РЕЧЕВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

В статье рассматривается такое языковое явление, как плеоназм — неоднозначная фигура речи, которая часто расценивается как стилистическая погрешность, но нередко выполняющая важные коммуникативные функции.

Материалом исследования послужили речевые факты, извлечённые из текстов средств массовой информации — всемирной сети Интернет, так как этот источник постоянно обновляется носителями русского языка и поэтому отражает реальную употребительность речевых единиц в настоящее время.

Автор статьи приходит к выводу, что довольно большое количество словосочетаний, которые в классических пособиях по стилистике относятся к плеоназмам, довольно прочно вошли в современный язык и стали широко употребляемыми. На такие словосочетания необходимо обращать внимание при обучении русскому языку будущих переводчиков.

Ключевые слова: речевая избыточность, плеоназм, коммуникативная значимость, разговорная и канцелярская речь, стилистический эффект, необходимая избыточность.

Maria N. Yesakova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Pleonasm as a Speech Redundancy Phenomenon

The article touches upon the linguistic phenomenon of pleonasm, which is quite an ambivalent figure of speech often considered as a stylistic error; however, it sometimes has important functions in communication.

The research is based on speech phenomena found on the Internet, since the World Wide Web is constantly updated by Russian speakers; thus, it reflects actual current usage of speech units.

The conclusion is as follows: quite a few expressions defined as pleonasms in conventional stylistics reference guides are now widely and commonly used. These expressions are to be focused on in translator and interpreter training.

Key words: speech redundancy, pleonasm, function in communication, informal and formal speech, stylistic effect, necessary redundancy

Язык как средство общения возникает и развивается в обществе. Вне общества он существовать не может. В. Гумбольдт в работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» писал: «Язык всегда развивается в обществе, и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим» [Гумбольдт, 1984].

Развитие языка происходит под влиянием политических, экономических, культурных и др. общественно значимых явлений. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить изменения, произошедшие в русском языке в результате социально-экономических реформ Петра I, социальных потрясений, вызванных революцией 1917 года, Великой отечественной войной 1941—1945 годов, а в последний период — «перестройкой» последних лет ушедшего века.

Социальная сущность языка не отрицает того, что он, являясь живым организмом, способен развиваться и по имманентным (собственным) законам. Язык сам определяет, что может существовать в нём, что необходимо ему для развития, а что, напротив, избыточно и способствует засорению.

Хорошо известно, что многие иностранные заимствования, привнесённые в русский язык в эпоху Петра I, до сих пор активно употребляются, несмотря на то что нормализаторская деятельность славистов послепетровского периода (В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, «шишковисты» и пр.) стремилась избавить русский язык от этих иноязычных слов [см.: Серман, 1963].

Нельзя не согласиться с мнением о том, что система языка «создается и видоизменяется коллективными усилиями тех, кто ею пользуется... Новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы языка, но работающее, функционально целесообразное, ведёт к перестройке в нём, а каждое очередное состояние языковой системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта. Таким образом, язык в процессе речевого функционирования развивается, изменяется, и на каждом этапе этого развития языковая система с неизбежностью содержит в себе элементы, которые не завершили процесс изменения. Поэтому различные колебания, варианты неизбежны в любом языке» [Сokolova, 1995].

Одним из интересных примеров столкновения в речи форм заимствованных и исконных (хотя здесь стоит оговориться, так как под исконными формами можно понимать и те формы, которые были заимствованы и ассимилированы языком в более ранние периоды) является плеоназм — неоднозначная фигура речи, которая часто расценивается как стилистическая погрешность, но нередко выполняющая важные коммуникативные функции.

Термин «плеоназм» (греч. pleonasmos «излишество»), пришедший к нам из античной стилистики и грамматики, обозначает многословие, употребление слов, лишних не только для смысловой полноты, но и для стилистической выразительности; дублирование некоторых сем либо наличие нескольких языковых форм с близким значением.

Античные авторы по-разному оценивали коммуникативную значимость плеоназма: Квинтилиан, Донат, Диомед определяют плеоназм как перегруженность речи излишними словами, следовательно, как стилистический порок. Напротив, Дионисий Галикарнасский определяет эту фигуру как обогащение речи словами, на первый взгляд излишними, но в действительности придающими ей ясность, силу, ритмичность, убедительность, пафос, неосуществимые в речи лаконической.

С точки зрения теории коммуникации, плеоназм — это одно из проявлений необходимого свойства речи, а именно её избыточности (Ю. Найда, Г.В. Чернов и др.). Если бы речь не была в какой-то степени избыточной, она была бы непонятна и не воспринималась бы.

Как отмечала О.С. Ахманова, несмотря на то, что уровень избыточности в различных языках колеблется в каких-то очень небольших пределах (60—70%), можно считать избыточность универсальным свойством языка вообще [см.: Ахманова].

Избыточность снижает «информационную нагрузку» сообщения, что благоприятным образом сказывается на возможностях его восприятия. Чем менее информативно нагружен текст, — тем легче его понимать.

Довольно часто в реальной коммуникации прибегают к плеоназму для того, чтобы донести мысль до собеседника. Известно, что устная речь воспринимается далеко не полностью. Плеоназм как одна из форм речевой избыточности может способствовать более полному восприятию. Поэтому нельзя вынести окончательного решения по поводу целесообразности использования тех или иных плеонастических выражений.

Плеоназм представляет одну из реализаций тенденции к избыточности сообщения (проявляющейся в многократном кодировании, дублировании блоков информации при передаче, усилении сигнала и т.п.), общей для различных систем коммуникации, к которым относится и естественный язык. Избыточность является средством преодоления помех, возникающих в канале передачи или на приёме и не позволяющих получателю адекватно и полностью декодировать (понять) сообщение. К таким помехам в устной речевой коммуникации могут относиться шум (например, беседа проходит в вагоне метро), отвлечение внимания слушающего и другие факторы. В письменном тексте к числу помех среди прочего можно отнести неразборчивость почерка, недостаточное качество печати, отвлечение или снижение внимания читающего [см., напр.: Энциклопедия Кругосвет].

В разных пособиях по стилистике и культуре речи выдвигаются аргументы «за» и «против» плеоназмов. Обращает на себя внимание то, что в одних пособиях одни и те же примеры рассматриваются как плеоназмы, а в других — нет.

В языке идёт вечная борьба между его информационной и экспрессивной функциями, между стремлением к точности и недвусмысленности и тягой к расширительному и нетривиальному применению слов. Это обуславливает нестабильность языковых норм, порой даже потерю некоторыми словами исконного значения, произношения и написания.

Причины функционирования в речи плеонастических конструкций весьма разнообразны. Среди них можно выделить:

— следование традиции. Так, плеоназм распространён при выражении некоторых типов количественных и пространственных значений в разговорной и канцелярской речи (*час времени, сто рублей денег, в апреле месяце, спуститься вниз с горы*);

— стремление к полноте сообщаемой информации, сопряжённое с недостатком языковой компетенции, в частности недопониманием значения терминов или иноязычных слов и выражений (*мы должны быть толерантными и терпимыми; этот павильон предназначен для отдыха и рекреации; актуальное сообщение на злободневную тему; у нас есть свободные вакансии*). Такого рода плеоназмы характерны для просторечия;

— создание определённого стилистического эффекта. Такого рода плеоназмы характерны прежде всего для художественной речи. Например: *Я буду помнить... тебя в своей голове; ответил... из своего высохшего рта (А. Платонов); Начал отдыхать. И сразу, знаете, обнаружилась очень чрезвычайная скука (М. Зощенко)*.

Плеоназмы различны и по своему составу. Среди них можно выделить:

— сочетание прилагательного и существительного, в котором значение прилагательного в известной мере дублирует значение, заключенное в существительном (*наступил тёмный мрак*);

— сочетание двух однозначных (синонимичных) существительных, воспринимаемых как обозначения разных, хотя и однородных понятий (*слышались брань и ругательства*);

— сочетание двух синонимичных прилагательных (он жил в небольшой маленькой комнате);

— сочетание глагола и наречия (мы приближались все ближе);

— сочетание двух однозначных (синонимичных) глаголов (*мы помнили и не забывали его советов*).

Плеонастические сочетания образуются также и вследствие незнания точного значения иноязычного слова или его небрежного употребления рядом с русским: *криминальное преступление, движущий лейтмотив, гуманность и человеколюбие и т.д.*

С точки зрения семантической структуры среди плеоназмов можно выделить две крупные семантические модели, в которых наблюдается повторение некоторых дифференциальных сем:

— полное совпадение сем, когда уточнение отсутствует (не нужно): *ареал обитания, биография жизни, своя автобиография и т.д.*;

— частичное совпадение сем, когда уточнение несёт дополнительную информацию, расширяет содержание понятия: *ведущий лидер, безопасное укрытие и т.д.*

Именно уточняющие плеоназмы (т.е. плеоназмы второй модели), как правило, постепенно входят в язык и перестают восприниматься как ошибочные. Примером утраты речевой избыточности может служить сочетание «*период времени*» (иноязычное + русское слово). В прошлом это выражение считалось тавтологическим, так как греческое по происхождению слово «период» значит «время». Однако слово «период» постепенно приобрело значение «промежуток времени», и поэтому выражение «период времени» стало возможным.

По тем же причинам закрепились в речи такие сочетания, как «*реальная действительность*», «*экспонаты выставки*», «*букинистическая книга*» и некоторые другие, потому что в них определения перестали быть простым повторением основного признака, уже заключенного в определяемом слове.

Интересно проанализировать выражения «*ностальгия по родине*» и «*ностальгия по прошлому*», которые в справочниках по стилистике русского языка определяются как плеоназмы. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова, 1999] приводятся следующие значения этого слова: *Ностальгия — тоска по родине, а также вообще тоска по прошлому.* В.В. Кузьмич в статье «Нетрадиционные словоупотребления: ошибка или не ошибка?» пишет, что ностальгия — это «нечто грустное». Таким образом, он считает, что употребление слова ностальгия в словосочетании «*ностальгия по тебе*» и подобных ему словосочетаниях вполне оправданно. Можно согласиться с автором статьи в отношении оправданности использования слова «ностальгия» в сочетании с разными объектными именами. Однако оправданность их использования не в том, что слово «ностальгия» имеет дифференциальную сему «нечто грустное», — эта сема, скорее, является потенциальной. Дифференциальной же семой этого слова будет «тоска по тому, чего уже нет», а это может быть и пространственный, и временной, и конкретный объект. Поэтому «*ностальгия по родине*» возможна, как и «*ностальгия по любви*». В то же время многие учебные пособия по стилистике считают словосочетание «*ностальгия по родине*» плеоназмом и отказывают в возможности употребления таких форм, как «*ностальгия по прошлому*», «*ностальгия по родному городу*» и т.д. Видимо, в современном употреблении эти формы уже заняли довольно прочную позицию.

Закрепившиеся в языке плеоназмы можно встретить и в фольклоре (*море-океан, грусть-тоска, путь-тропинка, полным-полно*), и

в аббревиатурах (*линия ЛЭП — линия электрической передачи, вирус ВИЧ — вирус иммунодефицита человека*), в том числе иностранных (*CD-диск, compact disk, VIP-персона, very important person*).

Плеоназм — частое явление и в переводе. В переводе существуют два противоположных полюса: необходимая избыточность, облегчающая восприятие речи, так как «при переводе приходится создавать дополнительную избыточность в самом тексте перевода, чтобы уравновесить отсутствие её у рецептора перевода и таким образом избежать чрезмерной информационной нагрузки» [Комисаров, 1999, с. 53]. С другой стороны, переводческое многословие — недостаток перевода. В этой связи интересно вспомнить примеры переводческого многословия, приведенные К.И. Чуковским в его «Высоком искусстве» [см.: Чуковский, 1968].

Таким образом, обучение будущих переводчиков нормам использования русского языка предполагает осторожное отношение к плеоназмам. Для того чтобы понять, как функционируют плеоназмы в современной русской речи, было проведено небольшое исследование.

Целью данного исследования являлось выявление и отображение тенденций по использованию плеоназмов в современном русском языке, т.е. попытка понять, насколько употребительны плеоназмы в речи и является ли число ошибок данного типа критичным.

Материалом исследования послужили речевые факты, извлечённые из текстов средств массовой информации — всемирной сети Интернет, так как этот источник постоянно обновляется и дополняется носителями русского языка (подразумевается русскоязычная часть Интернета) и поэтому отражает реальную употребительность речевых единиц в настоящее время.

Исследование было проведено следующим образом: в одной из популярнейших поисковых систем русскоязычного Интернета по очереди тестировались на употребительность двадцать три примера плеоназма, которые чаще всего приводятся в различных учебных пособиях по стилистике в разделе «Речевая избыточность».

Например, «*автоматический рефлекс*» сравнивается с количеством найденных поисковой системой случаев употребления главного слова в словосочетании, в данном случае — слова «рефлекс»; общее количество результатов включает и случаи плеоназмов. То есть слово «рефлекс» было употреблено 7 миллионов раз, из них — 6714 раз в словосочетании «*автоматический рефлекс*», которое считается плеоназмом.

Такое сравнение показывает, на какую долю употребления этого слова приходится использование плеоназмов, насколько они употребительны и имеют ли они тенденции по закреплению в русском языке.

Результаты исследования

Рефлекс	7 млн	Автоматический рефлекс	6 млн 714 тыс.
Ареал	3 млн	Ареал обитания	582 тыс.
Основы	140 млн	Базисные основы	906 тыс.
Укрытие	6 млн	Безопасное укрытие	349 тыс.
Биография	103 млн	Биография жизни	384 тыс.
Лидер	137 млн	Ведущий лидер	360 тыс.
Интерьер	106 млн	Внутренний интерьер	1 млн
Референдум	9 млн	Всенародный референдум	495 тыс.
Магистраль	14 млн	Главная магистраль	874 тыс.
Суть	73 млн	Главная суть	503 тыс.
Демобилизоваться	364 тыс.	Демобилизоваться из армии	87 тыс.
Бонус	51 млн	Дополнительный бонус	2 млн
Альтернатива	62 млн	Другая альтернатива	1 млн
Жестиковать	767 тыс.	Жестиковать руками	170 тыс.
Коллега	67 млн	Коллега по работе	6 млн
Беременная	40 млн	Беременная женщина	10 млн
Фольклор	9 млн	Народный фольклор	1 млн
Азы	8 млн	Начальные азы	17 тыс.
Стопы	21 млн	Стопы ног	509 тыс.
Автобиография	5 млн	Своя автобиография	912 тыс.
Трудоустройство	38 млн	Трудоустройство на работу	325 тыс.
Премьера	103 млн	Первая премьера	2 млн
Предупредить	47 млн	Предупредить заранее	1 млн

Количество случаев употребления плеоназмов весьма существенно. Доля плеоназмов среди случаев употребления этих слов в сочетании с другими словами составляет в основном меньше одного процента, за некоторыми исключениями: «*дополнительный бонус*» — около четырех процентов, «*другая альтернатива*», «*предупредить заранее*» и «*первая премьера*» — около двух.

Интересно, что в словосочетаниях «*демобилизоваться из армии*», «*жестиковать руками*», «*беременная женщина*», «*коллега по работе*», «*народный фольклор*» доля плеоназмов довольно велика: «*демобилизоваться из армии*» — около четверти всех найденных случаев употребления, «*жестиковать руками*» — почти третья часть, «*беременная женщина*» — четверть результатов, «*коллега по работе*»

и «*народный фольклор*» — примерно одна десятая часть. Это свидетельствует об определенном семантическом перераспределении, которое должно учитываться при обучении нормам современного русского языка.

Список литературы

- Ахманова О.С. О точных методах исследования языка. М., 1961.
 Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию / Пер. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984.
 Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. М., 1999.
 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
 Серман И. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода. М., 1963.
 Соколова В.В. Культура речи и культура общения. М.: Просвещение, 1995.
 Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1968.
 Энциклопедия Кругосвет. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PLEONAZM.html

О.С. Жаркова,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: olgzhakova@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ В УСТНОМ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ

В данной статье рассматриваются психологические основы деятельности устного переводчика, в частности механизмы памяти, которые играют ключевую роль в осуществлении последовательного перевода. В современных условиях при интенсификации междисциплинарных исследований психологическое направление представляется одним из наиболее актуальных и перспективных.

Ключевые слова: устный последовательный перевод, психология перевода, память.

Olga S. Zharkova,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: olgzhakova@mail.ru

Memory Mechanisms in Consecutive Interpretation

The article deals with psychological principles of interpreting, notably memory mechanisms that play a key role in consecutive interpreting. At present, interdisciplinarity is gaining ground and psychological research is considered to be one of the most interesting and promising.

Key words: consecutive interpreting, psychology of translation and interpretation, memory.

Современная наука о переводе уже давно вышла за рамки лингвистического подхода к изучению своего предмета и не ограничивается сугубо языковыми вопросами в своих исследованиях. Перевод — это не только и не столько соприкосновение, взаимодействие, а иногда и конфликт двух языковых систем. Это сложный процесс, в котором сталкиваются культуры, цивилизации, эпохи и личности. Ключевой, но очень часто совсем незаметной фигурой является переводчик, который должен постараться преодолеть этот конфликт, найти компромисс между сторонами. Если анализировать перевод как деятельность переводчика, на первый план выходят психологические, социологические и этические аспекты этой деятельности. Переводческая деятельность имеет ту же психологическую основу, что и любая другая интеллектуальная деятельность. Переводчик как член социума вступает в определённые общественные отношения и играет определённую роль в обществе. Кроме того, его деятельность предполагает определённую ответственность перед автором исходного текста, получателем текста перевода и обществом в целом.

Одним из наиболее перспективных направлений современного переводоведения является разрабатываемый Н.К. Гарбовским подход к изучению переводческой деятельности как деятельности когнитивной. В центре внимания исследователя оказывается интеллект переводчика и весь комплекс различных видов деятельности по работе с информацией. Безусловно, с психологической точки зрения деятельность переводчика основывается на тех же принципах, что и другая интеллектуальная деятельность. Однако при осуществлении различных видов переводческой деятельности на первый план выходят совершенно разные аспекты. В данной статье будет рассматриваться память, как один из ключевых элементов для последовательного переводчика и один из факторов, которые могут обеспечить успешность его деятельности.

Память в психологии понимается как сложное явление, как «совокупность *деятельностей*, включающих в себя как биофизиологические, так и психические процессы» [Экспериментальная психология, 1973, с. 10]. Удивительно, что предлагаемое психологами деление акта памяти на фазы в немалой степени сходно с этапами осуществления перевода, в частности устного последовательного перевода. Так, выделяется «фаза *запоминания*, когда индивид запечатлевает определённый материал в зависимости от требований ситуации» [там же], причём в ситуации последовательного перевода эта фаза ограничивается «мгновенным перцептивным актом», так как исходный текст предъявляется однократно и в устной форме; «фаза *сохранения*, ... в ходе которой запоминаемый материал сохраняется в скрытом состоянии», и «фаза *реактивации и актуализации*» [там же]. В устном последовательном переводе многими исследователями часто также выделяются три этапа: этап восприятия исходного текста, этап сохранения и преобразования смысла и этап продуцирования текста исходного сообщения. Таким образом, можно сделать вывод, что даже если исходить из структуры, память является своеобразным «стержнем» для всего процесса последовательного перевода, что, безусловно, должно приниматься во внимание как при изучении этого вида деятельности, так и в целях дидактики.

Рассмотрим различные виды памяти и охарактеризуем мнемические процессы, сопровождающие устный последовательный перевод с этой точки зрения. Существует несколько классификаций видов памяти в зависимости от того, какой аспект берётся за основу. Так, «в зависимости от характера деятельности, в ходе которой совершается запоминание, различаются произвольное и произвольное запоминание» [Рубинштейн, 1989, с. 340]. Несомненно, в устном последовательном переводе запоминание является произвольным, так как переводчик целенаправленно прикладывает

усилия, концентрируясь на восприятии, анализе и запоминании исходного сообщения. Актуальным для характеристики устного последовательного перевода является способ запоминания, и «в этом плане различаются механическое и смысловое запоминание» [там же]. Для последовательного перевода механическое запоминание совершенно неэффективно. Существует так называемое «магическое число» 7 ± 2 : после однократного предъявления десяти отдельных элементов человек в среднем запоминает от пяти до девяти. Очевидно, что этого недостаточно для осуществления даже самого простого устного перевода, не говоря уже о таком сложнейшем виде перевода конференций, как последовательный. Память переводчика не может опираться на механическое запоминание отдельных элементов. Запоминанию предшествует анализ смысла исходного сообщения, причём не только отдельных «квантов» смысла, но и логических связей между ними. Именно благодаря смысловому запоминанию устный перевод возможен. В случае механического запоминания переводчик будет выглядеть не чем иным, как говорящим вариантом двуязычного словаря. И только в случае смыслового запоминания можно обеспечить полноту и точность перевода. Однако нельзя утверждать, что переводчик может обойтись без механического запоминания. Так называемая прецизионная информация (числа, даты, имена собственные и т.п.) может не быть ассоциативно связана с текстом, следовательно, она подлежит механическому запоминанию, а так как такого рода память обладает очень ограниченными возможностями, на неё нельзя полностью положиться и необходимо прибегать к помощи записи. Мысль о том, что устный последовательный перевод основан на осмысленном восприятии, анализе и запоминании информации и что лишь небольшое количество информации можно не подвергать такому анализу, подробно разработана в рамках интерпретативной теории перевода Д. Селескович и М. Ледерер.

Интересно отметить, что некоторые исследователи наряду с моторной, аффективной, образной и другими видами памяти выделяют также вербальную память. Иными словами, существуют специальные области для обработки и хранения словесной информации, отличные от обработки других видов информации. Именно эти центры более всего необходимы устному переводчику в работе.

Таковы лишь некоторые особенности памяти, которые релевантны для понимания процесса осуществления устного последовательного перевода. Психологические аспекты переводческой деятельности чрезвычайно важны для понимания её глубинных механизмов, и их изучение позволит приоткрыть крышку «чёрного ящика», с которым можно сравнить интеллект переводчика. Понимание психологии устного последовательного перевода также чрезвычай-

но важно для дидактики, так как позволит сконцентрироваться на развитии тех аспектов, которые способны улучшить качество перевода.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Переводческая прагматика: теоретические модели и практика перевода: Доклад на конференции, проходившей на факультете Высшая школа перевода Московского университета 12 апреля 2011 г.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Записи в последовательном переводе. М.: Стелла, 1997.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Последовательный перевод. Теория и методы обучения. М.: Воениздат, 1969.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1989.
- Экспериментальная психология / Под. ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. Вып. IV. М.: Прогресс, 1973.
- Seleskovitch, D.* L'interprète dans les conférences internationales: problèmes de langage et de communication. Paris: Lettres Modernes, 1968.
- Seleskovitch, D.* Pédagogie raisonnée de l'interprétation. Paris: Communautés européennes / Didier Érudition / Klincksieck, 2002.

Э.Ф. Керо Хервилья,

доктор филологии, профессор заведующий отделением славянской филологии Гранадского университета; e-mail: efquero@ugr.es

**АНАЛИЗ ЧАСТИЦЫ КАК БЫ В ТЕКСТЕ РОМАНА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»
И ЕЁ ПЕРЕВОД НА ИСПАНСКИЙ**

В данной статье мы проанализируем модальную неопределённость, выраженную при помощи частицы *как бы*, в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. При подходе к переводу произведений такого автора, как Ф.М. Достоевский, на относительно отдалённый с типологической точки зрения испанский язык следует детально проанализировать стиль автора. Решение данной проблемы предполагает выполнение следующих задач: а) определить важность частицы *как бы* в тексте и оценить, в какой мере её присутствие вносит изменения в значение высказывания по сравнению с её отсутствием в русском языке; б) определить уровень употребляемости возможных эквивалентов в русском языке; в) разработать способ, который бы позволил достигнуть высокого качества перевода на испанский язык.

Ключевые слова: как бы, Достоевский, русский, испанский.

Quero Gervilla, Enrique Federico,

Professor, PhD in Slavic philology, Head of the Department of Slavic Philology of the University of Granada; e-mail: efquero@ugr.es

Translation from Russian into Spanish of the Particle *как бы* in Fyodor Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov"

In the present article, we analyze the particle *как бы* in the novel "The Brothers Karamazov" by Fyodor Dostoevsky and the issues associated with the translation of this particle into Spanish. When translating an author like Dostoevsky into a target language that is typologically distant, e.g. Spanish, the translator needs to analyze the author's style in depth. To do so, a translator has to: a) analyze the relevance of the particle *как бы* in the original text and evaluate how the meaning changes if it is present or if it is omitted; b) evaluate the level of usage of the potential target language equivalents; c) find the best way to achieve a high quality translation into the target language text.

Key words: *как бы*, Translation, Dostoevsky, Russian, Spanish.

1. Введение

Одна из наиболее привлекательных сторон изучения иностранного языка состоит в получении доступа к картине мира его носителей. В таком коммуникативном акте, как перевод, в котором принимают участие два языка, перед переводчиком возникает трудность, заключающаяся в необходимости почувствовать различную концептуализацию мира, которая создаётся её носителями.

В данной статье мы проанализируем модальную неопределённость, выраженную при помощи частицы *как бы*, в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы предложить вспомогательное упражнение, которое, на наш взгляд, можно включить в фазу осмысления переводчиком произведения, предшествующую любому переводу. При подходе к переводу произведений такого автора, как Ф.М. Достоевский, на относительно отдалённый с типологической точки зрения испанский язык следует детально проанализировать стиль автора. Решение данной проблемы предполагает выполнение следующих задач:

— определить важность частицы *как бы* в тексте и оценить, в какой мере её присутствие вносит изменения в значение высказывания по сравнению с её отсутствием в русском языке;

— определить уровень употребляемости возможных эквивалентов в русском языке;

— разработать способ, который бы позволил достигнуть высокого качества перевода на испанский язык.

Для выполнения поставленной цели воспользуемся «Полным собранием сочинений Ф.М. Достоевского», опубликованным в 1994 году издательством «Лексика», и тремя переводами романа «Братья Карамазовы» на испанский язык: первый из которых — Р. Ледесма Миранда опубликован в 1999 году издательством «Эдаф» (с вступительным словом Гильермо Саусо Паскуаля), второй — перевод Августо Видаля, опубликованный Натальей Улухановой в 1999 году, в издательстве «Катедра», и перевод Рафаэля Кансинос Ассенса в издательстве «Агилар» в 1961 году.

2. Анализ использования частицы *как бы*

Проанализировав философско-моральную основу произведений Достоевского, сделаем попытку анализа способа отображения этих обстоятельств при использовании частицы *как бы*.

Мы можем определить частицу *как бы* как оператора приближенности [Арутюнова, 1999, с. 844], который автор использует для отображения субъективного отношения к описываемым событиям. Используя эту частицу, Достоевский ясно показывает, что описание виденного не обязательно должно совпадать с тем, что происходит в действительности. Поэтому в произведении она преобладает в сценических указаниях, например: *Он как бы дрожал // Parecía como si temblara* и *Он дрожал // Él temblaba*. Используя эту частицу, автор показывает, что его чувства — это результат интерпретации им действительности. Хотя такой подход и кажется очевидным, привлекает внимание частота использования автором этой частицы на протяжении всего текста. Многократное употребление Достоевским этой частицы заставляет переводчиков прибегнуть к разным способам перевода.

В анализируемых переводах можно отметить две тенденции передачи частицы *как бы*: с одной стороны, при переводе Р. Ледесма Миранда в большинстве случаев предпочитает упускать частицу *как бы*, с другой — в своих переводах Августо Видаль и Рафаэль Кансинос Ассенс проявляют общую тенденцию передавать содержание частицы *как бы*, хотя и не всегда. В большинстве случаев трудно определить причины, по которым переводчики оставляют или пропускают *как бы* при переводе.

Мы не задаёмся целью выяснить большую или меньшую адекватность изложенных выше переводов, но постараемся определить важность частицы *как бы* в тексте. Изначально отметим частое использование этой частицы на протяжении всего текста произведения «Братья Карамазовы» [там же, с. 852].

Используя *как бы*, автор показывает отсутствие реального соответствия между значением высказывания как такового и показанным событием. «Неопределённость признака и значение как бы суть явления одного порядка: оба они увеличивают дистанцию между словом и денотатом» [там же, с. 853]. Содержащийся вариант носит интерпретативный характер и соответствует отношению автора к описываемым событиям. Та независимость, которой он наделяет своих персонажей, заставляет его занять скептическую позицию и одновременно позицию неуверенности при описании их поступков. Достоевский не ограничивается описанием событий, используя *как бы*, он даёт понять, что то, что он описывает, это то, что ему кажется, что он чувствует в своих персонажах: их чувства, их поступки, их реакции. В особенном восприятии Достоевским человека его поведение не имеет ничего общего с его внутренним миром, а значит, с реальными чувствами: «Не обязательно должно существовать соответствие между планом выражения и содержательным планом» [там же, с. 855].

Н.Д. Арутюнова следующим образом описывает влияние *как бы* на значение высказывания:

— оно служит знаком несоответствия или неполного соответствия внешнего симптома коррелятивному ему психологическому феномену, существенно более сложному, чем интерпретирующая его дескрипция;

— оно транспонирует внешние симптомы в иной — психологический или метафорический — план, приравнивая следующий за ним слово к иконическому знаку или символу [там же, с. 858].

Согласно такой трактовке, внешние признаки, к которым суммируется *как бы*, могут получить двойное измерение: от подсказки состояния персонажа (с психологической точки зрения) до преращения в символы более глубоких явлений.

Проанализируем некоторые примеры и их перевод на испанский язык с целью интерпретации оттенков значения, которые прибавляет использование *как бы*. Переходим к анализу фрагментов, занимающих особенно важное место в произведении. Каждый фрагмент сопровождается тремя вариантами перевода, что позволяет сравнить стратегии, выбранные каждым переводчиком.

Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустил в бессилии пред деревянную лавкой на колени (т. 7, с. 59) // *No terminó de decirlo, como si se atragantara, y se dejó caer de rodillas impotente ante el banco de madera...* (Augusto Vidal, p. 822) // *No terminó, como si le faltase la voz, y se dejó caer en un banco de madera* (R. Ledesma Miranda, p. 596) // *No acabó, cual si le faltase el aliento, desplomándose sin fuerzas, de rodillas, junto al banquito de madera* (Rafael Cansinos Assens, p. 437).

В рассмотренном примере Достоевский, несомненно, не ограничивается простым констатированием происходящего. Тяжело даже предположить напряжённость события, которое он описывает. Не вызывает сомнений, что Достоевский не столько пытался описать физическое состояние персонажа (кажется, что Илюша захлебнулся), сколько передаёт нам состояние напряжения, которое переживает герой (беспокойства, отчаяния). Таким образом, почти с полной уверенностью можно утверждать, что *как бы* исключает физическое начало из описываемых событий с целью поиска глубокой психологической составляющей. Обращаясь к *как бы*, автору удаётся соединить в самом тексте и признак, и его интерпретацию. В рассмотренном примере все три перевода сохраняют оттенок значения русского оригинала.

Но *как бы* может применяться также и к внешним признакам, тогда эта частица соединяется с признаком (физическим явлением) и его последующей трактовкой [там же, с. 854]:

Но вдруг он как бы сдержал себя. Он стоял и как бы что-то обдумывал (т. 7, с. 102) // *Pero se contuvo, parecía meditar* (R. Ledesma Miranda, p. 637) // *De pronto pareció que se dominaba. Estaba parado y como si meditara algo* (Augusto Vidal, p. 879) // *Pero de pronto pareció dominarse. Estaba parado y recapacitaba* (Rafael Cansinos Assens, p. 467).

Данный пример показывает различие в тактиках, выбранных переводчиками. Августо Видаль оставляет дополнительный оттенок, вводимый *как бы* в обоих высказываниях, в то время как Р. Ледесма Миранда и Р. Кансинос Ассенс оставляют его в одном высказывании, но убирают в другом.

Перейдём к рассмотрению высказываний, играющих ключевую роль в произведении.

Метель ещё продолжалась. Первые шаги прошёл он бодро, но вдруг как бы стал шататься. «Это что-то физическое», — подумал он, усмехнувшись. *Какая-то словно радость сошла теперь в его душу*

(т. 7, с. 137) // *Iván salió. La tormenta continuaba. Al principio marchaba con paso firme pero enseguida empezó a vacilar* (R. Ledesma Miranda, p. 666) // *La tempestad de nieve proseguía. Iván caminó de momento con paso firme, mas de pronto pareció como si empezara a tambalearse* (Augusto Vidal, p. 919) // *Seguía la ventisca. Avanzó los primeros pasos con animación, pero de pronto empezó a tambalearse* (Rafael Cansinos Assens, p. 490).

В данном фрагменте в продолжительной беседе Смердяков признаётся Ивану, что он убийца его отца. Пример передаёт то, как Иван покидает избу после этого разговора. Пошатывание, упомянутое в тексте: *как бы стал шататься* — передаёт мгновение сильной слабости, не присущей такому талантливому и умному человеку, как Иван Фёдорович. Иван, принявший окончательное решение рассказать о том, что произошло, и даже признать себя соавтором убийства отца как подстрекателя, испытывает мгновенную, но сильнейшую слабость. Даже он не может дать объяснение этому чувству. Употребление *как бы* демонстрирует не физический, а скорее моральный характер этой дрожи. Это содрогание есть не что иное, как внешний признак сильнейшего внутреннего переживания и напряжения, которое в этот момент испытывает герой и которое происходит, как ни странно, именно тогда, когда кажется, что персонаж более чем уверен в правильности своих поступков. Однако эта слабость демонстрирует чувство неуверенности, которое потом охватывает главного героя (он решает отложить до завтра разговор с прокурором о происшедшем). В этом случае только Августо Видаль сохраняет при переводе оттенок, привнесённый *как бы*. Рафаэль Кансинос Ассенс его намеренно опускает, а Р. Ледесма Миранда, преднамеренно избегая передачи этого оттенка, делает выбор в пользу глагола *vacilar* для передачи значения *шататься*, наиболее точного для отображения чего-то среднего между физическим и психологическим состоянием.

Тема внутренней человеческой слабости фигурирует среди наиболее интересующих Ф.М. Достоевского. В этом случае особое внимание привлекает тот факт, что эти сомнения возникают у неверующего Ивана (с самого начала произведения он не подвержен давлению религиозного характера), и на протяжении всего романа он показывает себя как расчётливый и холодный человек. Эта внутренняя борьба становится более очевидной, если принять во внимание тот факт, что Достоевский считает Ивана косвенным образом ответственным за смерть отца, так как именно он тем или иным образом подтолкнул Смердякова к совершению преступления.

Подобного рода напряжение мы встречаем в разговоре, происходящем между Алёшей и Дмитрием:

Алёша, говори мне полную правду, как пред господом богом: веришь ты, что я убил, или не веришь? Ты-то, сам-то ты, веришь или нет? Полную правду, не лги! — крикнул он ему исступлённо.

Алёшу как бы всего покачнуло, а в сердце его, он слышал это, как бы прошло что-то острое (т. 7, с. 97) // *Alioscha se tambaleó, se le oprimió el corazón* (R. Ledesma Miranda, p. 632) // *Aliosha tuvo la impresión de que se tambaleaba y sintió como si algo afilado le atravesara el corazón* (Augusto Vidal, p. 872) // *A Aliosha pareció desplomársele todo, y en su corazón sintió, al oír aquello, como si se lo traspasasen* (Rafael Cansinos Assens, p. 463).

Дмитрий бранит Алёшу, требуя от него признания в том, считает ли он его исполнителем преступления. Алёша, глубоко привязанный к Дмитрию, не знает, как ему ответить, что вызывает следующую физическую реакцию: *Алёшу как бы всего покачнуло, а в сердце его, он слышал это, как бы прошло что-то острое*.

В каждом из этих двух приведённых выше примеров просматривается тема внутренней человеческой слабости. Хотя в наших умозаключениях не следует уходить от главной проблемы: прибегая к *как бы*, автор даёт нам понять одновременно, что это ощущение, которое его охватывает как созерцателя, может быть ошибочным. В этом случае Р. Ледесма Миранда предпочитает упускать оттенок, который привносит в высказывание *как бы*, в то время как Августо Видаль и Рафаэль Кансинос Ассенс оставляют его.

Исходя из всего выше рассмотренного отметим, что Ф.М. Достоевский как хронист пытается не столько рассказать о том, что происходит вокруг его персонажей, сколько разобраться в их внутренней составляющей, углубиться в их чувства и страсти с целью понять их. Использование *как бы* — приглашение автора пойти дальше простого описания, окунуться во внутренний мир персонажей и в то же время ясно дать понять, что он ограничивается лишь изложением собственной точки зрения. В некоторых ключевых моментах создаётся впечатление, что Ф.М. Достоевский отказывается от безапелляционных утверждений относительно его персонажей, так как, начиная с их появления в произведении, они действуют совершенно самостоятельно.

3. Выводы

Так каким же должно быть отношение переводчика к данному явлению? Может ли перевод этого явления в такой мере повлиять на текст, что усложнит восприятие читателем перевода на испанский язык? Следует ли искать эквивалент или соответствие? Не случится ли так, что это возможное соответствие сильно исказит результат, полученный в испанском языке? Является ли уместным

«подгонять» текст с целью обеспечить лучшее его восприятие на испанском языке?»

Учитывая проведённый анализ, мы считаем, что важность *как бы* для восприятия текста не вызывает никакого сомнения. Это становится очевидным, если принимать во внимание то, что Ф.М. Достоевский, как это было показано выше, часто прибегает к этой частице, но при этом не выделяет её. Она появляется только в тех случаях, когда, по мнению автора, дополнительный оттенок, который добавляет *как бы*, становится необходимым (не следует забывать о том, что в картине мира русского языка существует ярко выраженная тенденция к безличному и неопределённости).

Тем не менее мы считаем, что существование этой тенденции в картине мира русского языка не может быть оправданной причиной для того, чтобы под предлогом соответствия переводчик опускал её перевод в тексте. Наличие в переводе на испанский язык таких эквивалентов *как бы*, как *al parecer, en cierto modo, de alguna forma, como si*, не только не препятствует адекватному восприятию текста, но даже, без сомнения, способствует тому, что читатель может почувствовать в полной мере объёмность текста. Читателю не следует забывать, читая такое произведение, что текст его оригинала написан на языке, который по многим параметрам значительно отличается от его родного языка.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М., 1988.
Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской языковой. ???
Dostoievski F.M. Los hermanos Karamázov. Madrid, 1998.
Dostoievski F.M. Los hermanos Karamázov. Madrid, 1999.
Dostoievski F.M. Los hermanos Karamázov. Madrid, 1961.

Ю.Н. Кольцова,

кандидат культурологии, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: Koltsova-73@mail.ru

РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ НОВЕЛЛЫ П. МЕРИМЕ «КАРМЕН» КАК ИСТОЧНИК АНАЛИЗА ЭВОЛЮЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Использование разновременных переводов в качестве лингвистического источника изучения языка даёт возможность увидеть изменения, которые в нём произошли.

Разновременные переводы представляют особый интерес, так как выполнялись в условиях разных политических режимов, разных социумов, господства разных литературных тенденций, разных типов отношений между переводчиком и редактором, переводчиком и цензором, переводчиком и читателем.

Для анализа изменений, произошедших в языке, в тенденциях перевода с середины XIX — до начала XXI века, мы выбрали переводы на русский язык новеллы французского писателя XIX века П. Мериме «Кармен».

Ключевые слова: разновременные переводы, лингвистический анализ, концептосфера, переводчик, П. Мериме, автор.

Yulia N. Koltsova,

Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: Koltsova-73@mail.ru

Translations of *Carmen* by Prosper Mérimée made at Different Periods as a Source of Analyzing the Evolution of the Russian Language

Using translations made at different periods as a source of analyzing a language reveals how the language has changed.

Translations made at different periods are of particular interest since they were made under different political regimes, in different societies; they were influenced by different literary trends and different types of relations between the translator and the editor, the translator and the censor, the translator and the reader.

To analyze changes in the language and translation trends from the mid 19th century to the early 21st century the author has chosen Russian translations of *Carmen* by Prosper Mérimée, the French writer of the 19th century.

Key words: translations made at different periods, linguistic analysis, concept sphere, translator, Prosper Mérimée, author.

Перевод художественного текста с одного языка на другой, как известно, представляет собой один из сложнейших видов интеллектуальной деятельности. В переводе сталкиваются не просто разные языки, но и различные культуры, характеры и типы мышления, литературные традиции, исторические эпохи.

Переводчик испытывает немалые трудности как лингвистического, так и экстралингвистического характера, обусловленные спецификой семантики языковых единиц, несовпадением «картин

мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности.

Ю.Д. Апресян справедливо отмечал: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка... Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян, 1995, с. 38—39]. К этому следует добавить, что специфичен и язык каждого автора, и, разумеется, язык самого переводчика.

Смысл художественного текста рождается в процессе его прочтения переводчиком — человеком, как правило, иной культуры, иного языкового мышления, иного социума. Для современной науки о переводе представляет несомненный интерес сопоставительное исследование разных переводов одного и того же литературного произведения. При этом возможны как синхронический подход, предполагающий изучение особенностей субъективного восприятия и переживания данного текста разными переводчиками, работающими одновременно, так и диахронический, когда сравнению подвергаются переводы, выполненные в разные исторические периоды.

Безусловно, разновременные переводы — не новый предмет для изучения. С появлением письменности на Руси появляются и первые переводы. Достаточно вспомнить многочисленные переводы текста Священного писания, выполненные на протяжении многих веков, начиная с первого перевода на словенский язык и до настоящего времени. Однако изучение разных переводов Библии составляет отдельную область науки о переводе.

Использование разновременных переводов в качестве лингвистического источника изучения языка даёт возможность увидеть те изменения, которые в нём произошли. В переводах, сделанных в разные исторические периоды, языковые различия очевидны. Например, переводы знаменитого древнегреческого романа «Александрия», выполненные в XII и XIV веках, характеризуют те явные изменения, которые произошли в языке и языковой картине мира человека Древней Руси.

Но переводы, отдалённые друг от друга не столь большим временным промежутком, представляют не меньший интерес. Более того, если они выполнялись в условиях разных политических режимов, разных социумов, господства разных литературных тенденций, разных типов отношений между переводчиком и редактором, переводчиком и цензором, переводчиком и читателем.

Анализ переводов художественного произведения, выполненных в разное время, отвлечённых друг от друга периодом примерно в 50 лет, позволяет установить не только историческую преемственность культуры, но и характер произошедших в ней изменений, ведь «разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкновения родной и чужой культуры, но и внутри своей родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не знают, не понимают культуры и мироощущения своих предков» [Тер-Минасова, 1999, с. 73.]. Особенно важным является то, что речь идёт не только о непонимании современниками культуры и мировоззрения предков, но и мировосприятия людей ближайших поколений.

Концептосферы русской культуры второй половины XIX и начала XXI века сопоставимы, аналогичны, но далеко не идентичны. Поэтому анализ данных переводов может представить определённые изменения, произошедшие в лингвистическом и экстралингвистическом пространствах русского языка. Для анализа изменений, произошедших в языке в тенденциях перевода с середины XIX — до начала XXI века, мы выбрали переводы на русский язык новеллы французского писателя XIX века П. Мериме «Кармен», написанной в 1845 году. Она относится к числу наиболее интересных и до сих пор популярных произведений французской классики. Первый перевод был выполнен неизвестным переводчиком в 1845, в год издания новеллы во Франции, и опубликован в журнале «Отечественные записки». В дальнейшем эта новелла переводилась многими переводчиками. Мы обратились к переводам нескольких известных русских переводчиков: Г.А. Рачинского (1908), М.Л. Лозинского (1927) и переводчиков-современников — Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой (2010). Приведённые разновременные переводы на русский язык являются высоко художественными и одновременно достаточно адекватными по отношению к оригинальному французскому тексту.

Почему возникла потребность в новом переводе новелл Мериме? Переводы 1845 года Г.А. Рачинского, М.Л. Лозинского (их разделяет совсем небольшой промежуток времени) и современных переводчиков разделяет примерно 50—70 лет, т.е. первый и последний отделены друг от друга более чем 150 годами. Это, естественно, немалый срок в истории развития русского языка. И в переводах с полуторавековой разницей наблюдаются наибольшие языковые различия. Однако прочтение переводов 1846 года Г.А. Рачинского представляет определённые затруднения, вызванные именно различиями между современной языковой системой и языком XIX века. Во-первых, в переводах 1845 года, а также у Г.А. Рачинского и

М.Л. Лозинского, мы наблюдаем большое количество слов, изменивших своё значение в современном языке. Сравним первую фразу новеллы во всех вышеперечисленных переводах:

“J’avais toujours soupconne les geographes de ne savoir sequ’ils dissent lorsqu’ils placent le champ de bataille de Mund...”.

«Я всегда подозревал, что **географы лгут**, утверждая, будто поле мундской битвы...» (перевод 1845 года).

«Я всегда **подозревал географов в том, что они не знают, что говорят**, когда помешают поле битвы при Мунде... (Г.А. Рачинский, с. 3).

«Мне всегда **казалось, что географы сами не знают, что говорят**, помещая поле битвы при Мунде... (М.Л. Лозинский).

«Я всегда подозревал, **что географы не знают, о чем говорят**, когда утверждают, будто сражение при Мунде... (Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, с. 278).

При сравнении данных фрагментов интересно обратить внимание на то, что семантика слова «лгать» в истории языка явно претерпела определённые изменения. Данный глагол использовался лишь в переводе 1845 года. Ни один из последующих переводов не содержит этот глагол. Презумпция правоты переводчика, выполнившего перевод в 1845 году, вызывает вопрос, что означал в середине XIX века глагол «лгать», учитывая, что во французском оригинале это глагол «знать» в отрицательной форме. В словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова значение этого слова определяется как «говорить, ложь, клеветать, возводить напраслину». Вряд ли первый переводчик это слово использовал именно в значении умышленного сокрытия информации, скорее всего, речь шла о плохой осведомлённости географов по данному вопросу. В переводе Г.А. Рачинского используется конструкция **подозревать географов в...** В современном языке она явно ассоциируется с предположениями, основанными на сомнениях в законности, поступков, честности намерений. Ср. **подозревать кого-либо в совершении преступления** (примеч. Ю.К.). Современные же переводчики делают акцент на том, что географы, вероятно, не слишком тщательно исследовали вопрос, но не на некоем намеренном обмане.

Другой пример подводит нас к определённой предметной ситуации. П. Мериме описывает выход из ущелья в некое пространство округлой формы. Во французском тексте это **cirque naturel**:

“A peineus-je fait un centaine de pas? Que la gorge, s’elargissant tout a coup, me montra une espece **de cirque naturel** parfaitement tombage par la hauteur des escarpements qui l’entouraient”.

«Шагов сто дальше, ущелье вдруг расширилось, и я увидел род **естественного цирка**, обставленного высокими бросавшими тень утёсами» (перевод 1845 года).

«Едва я сделал сотню шагов, как ущелье внезапно расширилось, открыло мне род **естественного цирка**, совершенно затенённого высотой окружающих его откосов» (Г.А. Рачинский, с. 5).

В переводе М.Л. Лозинского: «...ущелье, вдруг расширяясь, обнаружил передо мной как бы **природный цирк**, сплошь затенённый высотой окружающих его откосов» (М.Л. Лозинский, с. 467).

В современном же переводе словосочетание **природный цирк** заменяется словосочетанием «**природный амфитеатр**» (с. 279).

Очевидно, что все переводчики сравнивали данный пейзаж с определённым способом организации пространства, когда **места для зрителей возвышаются полукругом**. Однако любой современный читатель со словом цирк ассоциирует не особенности его построения, а зрелище развлекательного характера. Неслучайно в словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова значение слова **цирк** определено как «вид театрального искусства, объединяющий выступления акробатов, гимнастов, клоунов, дрессировщиков». Глагол «**выказать**» в вариантах переводов М.Л. Лозинского и Г.А. Рачинского заменён в современном переводе на «**продемонстрировать**», что свидетельствует о безусловном уходе данного слова из современного языка. Также исчезли такие словосочетания, как «лёгким наклоном головы» (перевод 1845 года, с. 12), «воротился оттуда» (1845, с. 14), «показывать возможную к нему доверенность» (1845, с. 14) «быть на изготовке» (Г.А. Рачинский, с. 6) и т.д. «Держа наперевес» у Лозинского, в современном переводе «держал горизонтально». Для обозначения сходства между предметами в современном языке может использоваться слово «вроде». Это слово вошло в язык сравнительно недавно. Так, в переводе 1845 года и переводе Г.А. Рачинского использована конструкция **род + Р.П.**

Ср: «Нам подали... наконец гаспачо, **род салата** из индийского перца». Г.А. Рачинский: «возвышался **род** сарая...» (с. 12), **род** «природного цирка...» (с. 11), **род салата** из острых приправ... (с. 13). А в переводе М.Л. Лозинского звучит уже вполне современная форма «...гаспачо, **нечто вроде салата** из перцев...» В современном переводе используется идентичная форма «...гаспачо, **нечто вроде салата** из перца...» (с. 284).

И конечно же серьёзные изменения произошли в области синтаксиса. К примеру, фраза: «Я отправляюсь туда же, и, если вы позволите сопутствовать вам, мы совершим дорогу вместе» (Г.А. Рачинский, с. 10) будет воспринята в языке как неправильная с точки зрения современных синтаксических норм. Кстати, в переводе М.Л. Лозинского эта фраза выглядит уже вполне современно. «Я тоже туда еду, и если вы мне позволите вас проводить, мы поедем вместе». Таких примеров можно привести множество: «Я растянулся на ней и приготовился, как мог, докончить ночь» (Г.А. Ра-

чинский, с. 16), «я был раздражён против моего проводника» (с. 18), «но я имею сделать вам глупый вопрос» (с. 18), «а тут ещё дело идёт о том» (с. 17). Можно сделать вывод о том, что нормы глагольного управления в современном языке явно изменились.

Интересно, что в передаче форм пожелания также произошли интересные перемены. Если в современном языке существует ряд форм, передающих пожелания доброй ночи — «спокойной ночи, доброй ночи, спокойного сна», что и представлено в современном тексте, то в тексте Г.А. Рачинского это звучит как: «Пожелав друг другу *взаимно доброго вечера*, уже крепко спали и тот и другой» (с. 15). В современном языке употребление выражения «*добрый вечер*» предполагает, скорее, приветствие. М.Л. Лозинский уже уходит от слова *вечер*, но тем не менее в его тексте представлена форма «*покойного сна*», также устаревшая с точки зрения современного языка, которая тоже даёт форму, не характерную для современных текстов. То есть различия между переводами Рачинского и современных переводчиков носят семантико-стилистический характер, а между Лозинским и современниками — в большей степени стилистический.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Избр. тр. М., 1995. Т. 2.
Мериме П. Кармен. Отечественные записки // Учебно-литературный журнал. СПб., 1846. Т. 8.
Мериме П. Кармен / Пер. Г.А. Рачинского. М.: 1-я Образцовая типография, 1908.
Мериме П. Кармен // Избр. соч. / Пер. М.Л. Лозинского. М.: Художественная литература. 1956. Т. 2.
Мериме П. «Кармен» и другие произведения. М.: Астрель, 2010.
Тер-Минасова С.Г. Язык как зеркало культуры. М., 1999. С. 73.

С.Н. Коробова,

старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: svetlanank@mail.ru

ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РАМКАХ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ (ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК)

В университетах мало внимания уделяется вопросам мотивации обучающихся, между тем это один из важнейших факторов эффективности обучения, влияющих на работу механизмов когнитивной и речевой деятельности.

В данной статье предпринята попытка проанализировать причины снижения мотивации на занятиях иностранного языка (французского) и предложены некоторые педагогические приёмы в рамках подготовки переводчиков, которые не только повышают интерес к изучению предмета, но и помогают реализовать творческий потенциал студентов.

Ключевые слова: мотивация, обучение переводу, историко-культурные связи, интеграция, деятельностный подход, лингвосоциокультурный метод, формирование коммуникативной компетенции, игра, педагогический сценарий, проект.

Svetlana N. Korobova,

Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: svetlanank@mail.ru

Increasing Motivation in French Language Classes in Translator Training Programmes

University training does not put a special emphasis on motivating students; however, it is a major factor in enhancing efficiency that affects cognitive and speech mechanisms.

This article attempts to analyze the causes of poor motivation in French language classes and suggests some pedagogical methods for translator training that can enhance students' interest and help realize their creative potential.

Key words: motivation, translator training, historical and cultural relations, integration, activity approach, language and sociocultural method, forming communicative competence, game, pedagogical scenario, project.

Ученик — не сосуд, который нужно заполнить, а факел, который нужно зажечь.

Плутарх

В рамках конференции «Русский язык в зеркале перевода» речь в основном идёт о преподавании родного (русского) языка, однако важная роль в подготовке профессионального переводчика высокого уровня принадлежит преподаванию иностранного языка.

Выбор изучаемого иностранного языка обусловлен в первую очередь не столько лингвистическими, сколько экстралингвистическими причинами. Как преподаватель французского языка могу сказать, что в последнее время французский язык набирает всё

большую популярность, что вполне объяснимо. Французский — один из самых распространённых языков в мире, на нём говорят более 200 млн человек на пяти континентах. Он является официальным языком многих международных организаций (ООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ и т.п.). Кроме того, Россию и Францию связывают тесные партнёрские отношения в области военного сотрудничества и освоения космоса, сотрудничества в сфере сельского хозяйства, в области энергетики. К тому же интерес к французскому языку, французской культуре во многом определяется историко-культурными связями, существующими между этими двумя странами на протяжении веков.

Но не всегда выбор языка является добровольным. Например, некоторые студенты из Китая, поступающие в Высшую школу перевода, решают связать свою будущую профессию с русским языком отнюдь не потому, что увлечены Россией, её языком и культурой. Их вынуждает к этому необходимость получить высшее образование, чего они не могут сделать на родине, где существует жёсткий конкурс при поступлении, или в странах Западной Европы, где это очень дорого.

Мы часто говорим о повышении мотивации изучения иностранного языка в школе и часто совершенно несправедливо забываем о ней в университете. В качестве причин снижения мотивации можно назвать использование устаревших учебников и учебных пособий, доминирующее использование грамматико-переводного метода в обучении и т.д.

Отсутствие же интереса к изучению иностранного языка ведёт к снижению эффективности обучения, нарушению работы механизмов когнитивной и речевой деятельности (памяти, мышления, внимания). Как следствие пропадает интерес не только к языку, но и культуре, традициям и будущей профессиональной деятельности. Даже находясь в стране изучаемого языка, студенты не пытаются интегрироваться, погрузиться в языковую среду, а живут своей обособленной жизнью.

Основной задачей преподавателя в таких условиях становится не только передача знаний, развитие умений и навыков, но и повышение интереса к предмету различными способами.

Проблеме мотивации учения уделяется пристальное внимание в отечественной педагогической психологии и методике преподавания иностранного языка (Р.К. Миньяр-Белоручев, И.А. Зимняя). Важность её решения определяется тем, что мотивация учения представляет собой решающий фактор эффективности учебного процесса. Каждый преподаватель самостоятельно выбирает пути повышения мотивации в зависти от метода обучения, на который он опирается.

Часто при преподавании иностранного языка в университете применяется *деятельностный подход*, опирающийся на работы Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева. Основным его положением является то, что психика человека неразрывно связана с его деятельностью и деятельностью обусловлена, где деятельность — «это преднамеренная активность человека, проявляемая в процессе его взаимодействия с окружающим миром и служащая для решения жизненно важных задач, определяющих существование и развитие человека». Согласно этой теории целью обучения является не вооружение знаниями, не накопление их, а формирование умения действовать со знанием дела. То есть *цель обучения — дать человеку умение действовать*, а знания должны стать средством обучения действиям.

Безусловно, это оправданно, так как владение иностранным языком является навыком в овладении профессией переводчика, без знания языка нет качественного перевода как на русский язык, так и на иностранный.

На наш взгляд, одним из эффективных способов мотивированного обучения является *лингвосоциокультурный метод*, который родился на стыке понятий языка и культуры. Немаловажную роль в формировании этого метода сыграла С.Г. Тер-Минасова. Сегодня язык — «не только словарный запас, но и способ человека выражать себя. Он служит для целей коммуникации и способен выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире». По мнению основателей этого метода, язык — «мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующее нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого комплекса». При этом подходе к языку межкультурная коммуникация — прежде всего «адекватное взаимопонимание двух собеседников или людей, обменивающихся информацией, принадлежащих к разным национальным культурам». Однако культура часто выступает не только средством объединения, идентификации, но и орудием разобщения людей. Поэтому при преподавании иностранного языка в рамках этого метода языковые структуры объединяются с внеязыковыми факторами. Межкультурная коммуникация, диалог культур, обсуждение проблем национальной идентичности разных народов, как правило, не оставляет студентов равнодушными.

Цель изучения языка с помощью данного метода — облегчение понимания собеседника, формирование восприятия на интуитивном уровне. Что крайне важно в подготовке будущего переводчика, для которого необходимо не только безукоризненное владение иностранным языком, но и широкой кругозор практически во всех областях знания.

В последнее время понимание процесса обучения иностранным языкам очень изменилось. Ранее обучение иностранным языкам в основном было направлено на развитие грамматической компетенции. Считалось, что грамматические упражнения помогают выработать привычку правильного использования языка посредством заучивания диалогов и фраз наизусть. Подобные задания лишают занятие динамики, что само по себе скучно.

Поэтому современные теории преподавания иностранного языка все чаще отдают предпочтение *коммуникативному методу* как способному в большей степени мотивировать обучающегося. О нём в 1970-х годах заговорили эксперты Совета Европы. Основная цель этого метода изучения языка — *формирование коммуникативной компетенции*, все остальные цели (образовательная, воспитательная, развивающая) реализуются в процессе осуществления этой главной цели.

Коммуникативное обучение строится таким образом, что контекст деятельности учеников, их опыт, мировоззрение, учебные и внеучебные интересы и склонности, их чувства всячески учитываются при организации общения на уроке. Студенты получают возможность обсуждать свои увлечения и поступки, текущие события из жизни, учатся высказывать своё отношение к происходящему, обосновывать и отстаивать собственное мнение.

В кругу некоторых методистов бытует мнение, что предлагать студентам задания в игровой форме бессмысленно, игра не может иметь никакого положительного эффекта и вызовет лишь снисходительную улыбку студентов, а в худшем случае и осознание потерянного времени.

Я, однако, не могу согласиться с данным мнением, мне ближе позиция Йохана Хейзинги, который в своей книге “*Homo ludens*” («Человек играющий») утверждал, что играют *все* люди, независимо от возраста, профессии и социального положения.

Игра на занятиях иностранного языка не только повышает интерес к предмету, но и активизирует все когнитивные механизмы, тренирует коммуникативную компетенцию. Это может быть специализированная лингвистическая игра, такая как «Снежный ком» и т.п., но все-таки большую заинтересованность вызывают салонные игры, переведённые на французский язык, например «Угадай персонажа» (при изучении темы «Внешность, характер»); «Теледебаты» (при обсуждении любой проблемной темы «Проблемы экологии», «Пресса», «Сокращение трудовой недели» т.п.).

В рамках обсуждения вопросов о повышении мотивации к изучению иностранного языка в XXI веке нельзя не сказать и о применении информационных технологий и Интернета в преподавании французского языка. Интернет — незаменимый источник для ак-

туализации материалов учебников, поиска дополнительной информации и т.п.

Примером использования интернета на занятиях иностранного языка может стать *педагогический сценарий*. Он не только повышает интерес к обучению, но и помогает реализовать творческий потенциал студентов. Суть педагогического сценария заключается в следующем: студентам предлагается тема для самостоятельного изучения. Им выдаётся пакет заданий и упражнений, которые нужно выполнить за определённое время, используя информационные и специализированные сайты и одноязычные словари, указанные в карточке с заданиями.

Например, при изучении темы «Франкофония» студентам предлагается с помощью сайта Всемирной организации стран французского языка и некоторых других дать определение понятию, выделить основные этапы развития организации, расшифровать аббревиатуры основных институтов данной организации, объяснить с помощью словарей некоторые термины, выполнить задания на контурной карте. Каждый педагогический сценарий предполагает в завершении темы реализацию *проекта*. Это может быть презентация одной из стран—участниц Франкофонии, подготовленный тест по основным пунктам сценария и т.п.

В проектном обучении главное — чётко сформулировать проблему, над которой студенты будут трудиться в процессе работы над темой.

Так, в декабре прошлого года со студентами Высшей школы перевода был опробован проект «Я режиссёр». В начале изучения темы «Театр. Кино» одной части студентов была поставлена задача — снять фильм, другой — организовать кинофестиваль. Таким образом в процессе работы обучающиеся не просто тренировали механическое запоминание лексики, но и активизировали свои знания в процессе творческой деятельности, которая не оставила равнодушными даже тех из них, кто обычно не проявляет инициативы на занятиях и не выказывает особого интереса к изучению иностранного языка. Подобных примеров может быть много.

Немаловажную роль в повышении мотивации играет и организация лингвистических и переводческих стажировок. Даже если ведущий мотив студента — путешествие, смена обстановки, он погружается в новую, незнакомую культуру, он вынужден говорить на иностранном языке каждый день. Таким образом, он неизбежно прогрессирует в своём владении этим языком, а успех, как известно, это один из самых сильных факторов, побуждающих к действию.

Повышать интерес к обучению иностранного языка, в данном случае — французского, это не только задача преподавателя, но и

руководства стран, желающих поддерживать и распространять свой язык в мире.

Так, посольство Франции, совместно с представительствами других франкоговорящих государств организуют различные мероприятия в рамках недели французского языка: “Grand quiz de la francophonie”, “Dictée de l’ambassadeur”, Неделя французского кино.

XXI век — век рыночной экономики. И хотя об этом пока не принято говорить ни в обществе, ни на занятиях в университете, финансовое вознаграждение переводческого труда является немаловажным мотивирующим фактором студентов для повышения трудоёмкости и эффективности их работы, когда они не просто слышат, что «переводчики неплохо зарабатывают», а озвучиваются точные цифры заработной платы письменных переводчиков, устных последовательных, синхронных.

Но всё-таки именно творчество рассматривается как способ положительной мотивации учения, которому принадлежит ведущая роль на занятиях по иностранному языку.

Список литературы

- Аббас Уасин.* Способы формирования мотивации изучения русского языка в иракской аудитории: Дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2007.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения французскому языку. М.: Просвещение, 1990. 224 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 352 с.
- Франкоязычный форум для изучающих русский язык за границей. http://voyageforum.com/forum/russie_parler_russe_D1186699/

Г.М. Литвинова,

методист I категории, старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: bambuk25@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ-ПАРАЗИТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Одним из явлений в жизни современного русского литературного языка в области разговорной речи, вызывающих тревогу, является широкое употребление в речи слов-паразитов. Даже поверхностный анализ речи тех людей, которые должны владеть основами ораторского искусства, приводит к неутешительным выводам: подобные слова являются неотъемлемой частью речи людей образованных, часто выступающих на публике. Слова-паразиты указывают на неизбежность процесса «демократизации» литературного языка, проходящего в последние десятилетия. Суть этого процесса заключается в привлечении в литературный язык элементов неcodифицированной речи. Для многих говорящих слова-сорняки несут смысловую нагрузку. Их выбор зависит от моды, от «узуса», от индивидуальных предпочтений говорящего, а также от тех установок, которые преследует говорящий.

Ключевые слова: слова-паразиты, путанность мысли, запинки, слова-сорняки в речи образованных людей, проблема лингвистического и психологического плана, существующие классификации слов-паразитов, смысловая нагрузка и функции подобных слов, процесс «демократизации» языка, вульгаризация речи.

Galina M. Litvinova,

Teaching Methodology Specialist (1st category), Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: bambuk25@mail.ru

Filler Words in Contemporary Russian

One of the worrying trends in contemporary spoken Russian is widely used filler words. Even a brief analysis of supposedly good speakers' language leads to a disappointing conclusion that such words are now characteristic of educated speakers. Filler words demonstrate that the “democratization” of the standard speech has become inevitable over the last few decades. This process consists in using non-standardized elements in the standard language. For many speakers, filler words have a meaning. Their choice depends on fashion and usage, on individual preferences as well as on the speaker's objectives.

Key words: filler words, unclear ideas, hesitation pauses, filler words in educated speech, linguistic and psychological problem, existing classifications of filler words, their meaning and functions, language democratization, speech vulgarization.

Одним из явлений в жизни современного русского литературного языка в области разговорной речи, вызывающих тревогу, является широкое употребление в речи так называемых слов-паразитов, слов-сорняков. В разряд таких слов попадают те слова, которые потеряли смысловое или эмоциональное наполнение. Словами-паразитами их делает употребление «не к месту» в любой части фразы. Существенным недостатком речи становится не только использование таких слов, но и их неоднократное повторение, часто даже в пределах одного предложения.

Это явление настолько ощутимо в последнее время, что все больше вызывает протест со стороны отстаивающих чистоту и правильность литературного языка и все чаще обсуждается на страницах печати, в различных телевизионных программах, а также в Интернете.

Принято считать, что слова-паразиты используются в речи людьми с маленьким словарным запасом, не умеющими правильно и точно выразить свою мысль. Кроме того, эти слова нередко употребляются потому, что говорящий затрудняется в выборе слова, не решается вполне определённо высказать мысль и т.д.

Однако даже поверхностный, беглый анализ речи известных политиков, политологов, теле- и радиожурналистов, преподавателей вузов, школьных учителей, т.е. тех, кто по определению должен владеть основами ораторского искусства, приводит к неутешительным выводам: слова-паразиты являются неотъемлемой частью речи людей образованных, часто выступающих на публике. Спонтанная речь большинства людей далека от совершенства. В тот момент, когда на языке не оказывается нужного слова, говорящий использует слово-паразит в качестве связки между смысловыми частями, не давая речи оборваться молчанием. Любое неподготовленное выступление, а порой даже подготовленное, изобилует такими словами и выражениями, как «типа», «такскасть», «как бы», «это самое», «ну...», «как сказать». Большую тревогу вызывает речь дикторов радио и телевидения. Если еще лет 15—20 назад речь теле- и радиоведущих была эталоном, образцом для подражания, то нынешнее положение дел оставляет желать лучшего: путаность мысли, запинки, слова-сорняки прочно проникли в СМИ: «Ну, в *Мосгордуме*, я говорю, что нет таких публичных, открытых, прямых выборов...», «Ну а что этот конфликт, который продолжает всё ещё разрастаться, означает для России в геополитическом плане? Вот Грузия, Украина, Кыргызстан, потом, наверное, что-то ещё будет в списке? Вот, уже пишут о том, что да, какой-то будет создан “санитарный кордон” вокруг России, а потом — вплоть до внешнего управления? Ну, я беру самые радикальные высказывания», «Он как бы изображает собой лидера абсолютно единственной в мире сверхдержавы, которая единственная имеет право расставлять акценты и делать всем замечания...», «Вы как бы выступаете против Мирнова лично, но то, что он говорит, содержательно пока вы никак не опровергли», «...которые украшены цветами. Вот, я не знаю, может, у меня уже сдвиг сознания, но я думаю, это не очень хорошее дело, потому что мы, с одной стороны, убираем урны после теракта, а потом начинаем...»¹

¹ Материал программы «Вести-подробности», Телеканал РТР, цитируется по: <http://otherreferats.allbest.ru>

Кроме того, существуют ещё так называемые звуки-паразиты: «э-э-э», «а-а-а», «м-м-м». Эти звуки говорящие используют в те моменты, когда стараются подобрать нужное слово в монологической речи.

Безусловно, это проблема не только лингвистического, но и психологического плана. Часто мы вставляем лишние слова, когда волнуемся или торопимся что-то высказать. Психологи утверждают, что слово-паразит, которое постоянно произносит человек, может охарактеризовать его внутренний мир, характер и мировоззрение. Так, наблюдая за собственной речью, автор данной статьи обнаружила, что часто употребляет слово «*понимаешь/понимаете*», которое нередко теряет свое значение в контексте употребления и превращается в слово-паразит, поскольку используется в речи не всегда к месту. Создаётся впечатление, что у говорящего присутствует потенциальный страх, что его не поймут. Скорее всего, это привычка, выработанная годами работы с иностранной аудиторией, когда важно понять, был ли усвоен учащимися предлагаемый материал. Но в повседневной речи это взволнованное «понимаешь» выглядит нелепо и не может не раздражать, в свою очередь, слушающего.

Особую опасность представляют сейчас слова-сорняки, пришедшие в разговорную речь из обсценной лексики. Увы, нецензурные слова и выражения для многих современников стали нормой жизни. Более того, подобные слова перестали шокировать, и, исследуя материал многих интернет-форумов, мы обнаружили, что эти слова не только активно употребляются представителями разных социальных групп и разных возрастных категорий, но их употребление оправдывается. Звучат даже «призывы» ввести изучение нецензурной лексики в школьную программу, чтобы обучить школьников «уместному» употреблению «матерных выражений». Абсурдность подобных высказываний не может не пугать. Однако в данной статье мы обращаем прежде всего внимание на использование обсценных слов в качестве слов-паразитов, т.е. в качестве вводных слов, не несущих смысловой или эмоциональной нагрузки, используемых «для связи» слов в высказывании.

Как известно, существуют так называемые «универсальные» слова-паразиты — слова, которые используются всеми говорящими на русском языке. Вот список наиболее частотных из них²:

² Список приводится со ссылкой на сайт Святослава Бодягина. Автор статьи намеренно убрала из данного списка слова, принадлежащие обсценной лексике, оставив при этом так называемые эвфемизмы, такие как «блин, «на фиг» и пр.

блин	и так далее	прямо скажем
буквально	как бы	собственно говоря
ведь	как говорится	так
видишь / видите (ли)	как его	так вот
в натуре	как сказать	так сказать
в некотором роде	короче	там
в общем (-то)	можешь/ете вообразить	типа
вообще (-то)	можешь/ете представить	типа того
вот	на самом деле	того
в принципе	на фиг	только
в самом деле	нет	то есть
все такое	ну	уже
в целом	ну вот	это
дело в том, что...	пожалуй понимаешь	это самое / эт самое
ёшкин кот	послушай	я имею в виду
знаешь / знаете (ли)	правда прикинь	(я) скажу
значит	просто	
итак	по ходу	
итак		

Анализируя предложенный список, можно сказать, что в качестве слов-паразитов чаще всего выступают частицы (*вот, ну, пожалуй, так, да* (вопросительная частица), *просто и прямо, как бы*), вводные слова (*короче, вообще, в общем-то, в принципе, допустим, значит, короче, понимаешь, слушай, собственно говоря, стало быть, так сказать, прикинь*), местоимения (*местоимение — это, сочетание указательного и определительного местоимений — это самое*), сочетание местоименного наречия и предметно-личного местоимения (*как его*), местоименные наречия (*там*).

Этот список далеко не полный. Однако уже этих слов достаточно, чтобы задуматься: «Каким образом те или иные слова в качестве слов-паразитов попадают в речь практически всех говорящих на русском языке? Почему именно им отдается предпочтение? Зависит ли подсознательный выбор слова-сорняка от возраста, пола или социального положения говорящего?»

По предварительным подсчетам экспертов, самое распространенное слово-паразит на сегодняшний день — это слово «блин», на втором месте находится «вот», на третьем «прикинь», затем «как бы», далее «типа того», «это самое», «то есть», «на самом деле», «как бы это сказать» и т.д. В телевизионной речи самым распространённым и общеупотребительным из слов-паразитов является частица «ну», на втором месте «то есть».

Слово «блин» стало широко употребляться в ненормативной лексике как замена нецензурного слова, сходного с ним по звучанию. В последнее время всё чаще звучат голоса в поддержку того, что применение слова «блин» допустимо в повседневной речи, поскольку это восклицание выражает широкий спектр чувств, например: удивление, радость, досаду, горечь, негодование. Те, кто придерживаются этого мнения, указывают на неизбежность процесса «демократизации» литературного языка, проходящего в последние десятилетия. Суть этого процесса заключается в привлечении в литературный язык «элементов некодифицированной речи: единиц просторечия, территориальных диалектов, жаргонов, так называемой городской речи» [Бельчиков, 2011]. Однако, на наш взгляд, не следует путать процесс демократизации и процесс вульгаризации речи. «Вульгаризация литературной речи связана с тенденцией огрубления речи, детабуизации ненормативной лексики и фразеологии. Эта тенденция в русской общественно-речевой практике начала складываться в конце XX века в условиях острой политической, идеологической, экономической ситуации, связанной с распадом СССР..» [там же]. Вульгаризация — это не только использование стилистически-сниженной лексики, грубо-просторечных и жаргонных слов и выражений и т.д., но и выражение речевой агрессии. И это, в свою очередь, не может не настораживать. «В последние десятилетия XX века экспансия криминального жаргона охватила те слои общества, которые в силу своего интеллектуального и образовательного уровня призваны говорить на образцовом литературном языке. Политико-экономические реалии уподобляются криминальному миру, создав специфическую систему его описания с помощью метафорических средств (крыша, разборка, наезды и др.)» [Грановская, 2005]. Мы уверены, что «блин», «на фиг», слова и выражения на «ё» («ёклмн», «ёпрст», «ёлки-палки», «ё-моё», «ёкарный бабай», «ёшкин кот», «ёперный театр» и даже непонятное «ёмас»), почёрпнутое из речи одной из участниц «Дома-2», которые, вероятно, являются цензурными аналогами обценных слов) и прочие подобные выражения не только снижают уровень речевой культуры, способствуют примитивизации духовной жизни народа — носителя языка, но и свидетельствуют об усилении речевой и поведенческой агрессии в нашем обществе. Приходится

с горечью констатировать, что подобные слова и выражения проникли в речь всех слоёв населения России, даже тех, кто претендует на речевую элитарность.

Если по словам-паразитам, преобладающим в языке, попробовать определить характер его носителя, то русскоговорящие, по мнению многих исследователей, выглядят людьми неуверенными, постоянно сомневающимися. Об этом говорит, например, частотно употребляемое слово «как бы»: «как бы да», «как бы рад», «как бы русская», «как бы хочу сказать» и т.д. В последнее время стилистическим вариантом этого слова-паразита стало слово «типа». Специалист по жаргонной лексике В. Елистратов в эфире «Эха Москвы» объяснял распространение «как бы» тем, что русский язык вообще не любит определённости. Это «как бы» снимает с человека ответственность за слова и дела и мешает пониманию. Однажды учёный провёл эксперимент: попросил студентов определить, что такое «дефолт»: 95% из них ответили, что это «как бы революционная ситуация».

В настоящее время не существует единой системы классификации слов-паразитов. Не выяснены и причины, по которым то или иное слово попадает в разряд «модных», используемых даже теми людьми, которые владеют нормированным языком. Обращает на себя внимание классификация слов-паразитов украинского лингвиста Юлии Дараган [Дараган, 2002], которая выделяет три большие группы: 1. Установочные (ориентационные) маркеры (отражают коммуникативные и психологические установки говорящего: *значит, стало быть*). 2. Программирующие маркеры, которые, в свою очередь, могут быть разделены на 5 подгрупп — 1) маркеры планирования (формирования сценария реализации замысла): *так, ну*; 2) маркеры концептуализации (формирования в сознании говорящего понятия, соответствующего плану содержания одной или нескольких языковых единиц, которое затем будет вербализовано): *как бы, такой, вот*; 3) маркеры контроля (отслеживание правильности реализации сценария): *значит, вот*; 4) маркеры поиска (припоминание нужного слова в процессе реализации): это (самое), этот (самый), *какой-то, скажем так*; 5) маркеры коррекции (коррекция реализации — оговорки и т.п. — или самого сценария — оформление вставных конструкций): *ну, это, то есть*. 3. «Гипертекстовые» маркеры — а) оценочные маркеры, выражающие оценку говорящим собственных высказываний с точки зрения удачности реализации (*как бы, так сказать, скажем*), важности сообщаемой информации, а также степени её актуализованности (*вот, там*) и проч., б) маркеры-апеллятивы, передающие те или иные требования/просьбы Говорящего к Адресату, в частности отказ от детализованного представления ситуации (*короче, в общем*) и имплицитная

просьба к Адресату самостоятельно домыслить ситуацию и сделать выводы, исходя из представленных данных (*вот, такой*).

Исходя из данной классификации, можно сделать вывод, что слова-паразиты несут определённую смысловую нагрузку. Их выбор зависит не только от моды, от «узуса», но и от индивидуальных предпочтений говорящего, а также от тех установок, которые преследует говорящий: так, они дают время говорящему обдумать продолжение своей фразы; кроме того, слова-паразиты могут служить своеобразным сигналом слушающему, что диалог продолжается и скоро будет получен ответ. Слова-паразиты также помогают выиграть время: если задан «неудобный» вопрос, а ответить на него необходимо, чтобы потянуть время, за которое можно подобрать ответ, человек произносит «*видите ли*», «*ну как вам сказать*» и др.

Н.Н. Розанова вводит еще одну функцию слов-паразитов, а следовательно, и причину их появления в речи: ритмическую организацию фразы.

Говоря о словах-паразитах, надо иметь в виду, что иногда наличие их в речи обусловлено внутренним состоянием говорящего (взволнованностью, растерянностью, стремлением побыстрее высказаться и т.д.). Кроме того, если человек, разговаривая на какую-либо тему, в этот момент думает о чём-то другом, количество слов и звуков-паразитов в его речи значительно увеличивается. Нередко слова-паразиты выполняют эмоциональную функцию: когда человек взволнован, нервничает, свои эмоции он нередко перекладывает в «*блин*», «*ёлки*», «*представляешь*» и т.д., тем самым словно снимая с себя часть негативных переживаний. Кроме того, их особенность заключается в том, что они позволяют выразить одним словом несколько эмоций сразу (радость и удивление, огорчение и негодование и т.п.). Поэтому, по мнению некоторых лингвистов и психологов, подобные слова могут выполнять своеобразную терапевтическую нагрузку.

В наше время, когда появилось такое понятие, как психолингвистическое программирование, можно узнать, что некоторые слова воздействуют на психику человека не столько на сознательном, сколько на подсознательном уровне, определяя его поведение и его судьбу. Так, например, существует теория, согласно которой слово-паразит может рассказать о сущности его мышления и видения мира: человек, часто употребляющий «*просто*», стремится к простоте и разумности, «*сами понимаете*» — человек робкий, боящийся высказать собственное мнение, ищущий поддержку у слушателей, и т.д.

Слова-паразиты — болезнь нашего века. Л.В. Щерба называл подобные слова «упаковочным материалом»: люди как бы «суют» их между значимыми словами, чтобы не дать им разбиться друг

о друга. Безусловно, от употребления слов-паразитов нужно избегать, строго контролируя свою речь и речь окружающих, тем самым укреплять свой лингвистический иммунитет и развивать языковое чутье.

Список литературы

- Бельчиков Ю.А. О роли СМИ в процессе демократизации русского литературного языка // Вестн. электронных и печатных СМИ. 2011. № 13. <http://vestnik.ipk.ru>
- Виноградов В.В. Язык Пушкина. 2-е изд., доп. М., 2000.
- Головин Б.Н. Как говорить правильно. М., 1988.
- Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 2-е изд. М., 1986.
- Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX веке // Очерки. М., 2005. С. 359.
- Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Тр. Междунар. семинара «Диалог 2000 по компьютерной лингвистике и её приложениям». Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 67—73.
- Дараган Ю.В. Риторическая структура текста и маркеры порождения речи // Тр. Междунар. семинара «Диалог 2002 по компьютерной лингвистике и её приложениям». Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2002. С. 114—127.
- Завьялова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
- Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987.
- Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983.
- Северская О. Слова-паразиты // Наука и жизнь. 2004. № 5.
- Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957.

Сайты

- <http://bodyagin.com>
<http://vestnik.ipk.ru>
<http://lib.repetitors.eu>
<http://otherreferats.allbest.ru>

А.М. Макшанцева,

преподаватель и соискатель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mac_anna@mail.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Статья посвящена рассмотрению вопроса обучения переводчиков в историческом и современном аспектах. В статье освещаются этапы подготовки переводчиков с начала переводческой деятельности до наших дней. Особое место уделяется описанию программ европейских школ, а также особенностям подготовки переводчиков на факультете Высшая школа перевода.

Ключевые слова: письменный и устный перевод, обучение переводчика, история переводческой деятельности, Болонский процесс

Anna M. Makshantseva,

Lecturer and Graduate Student at the Department of Theory and Methodology of Translation of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mac_anna@mail.ru

Mother Tongue in Interpreter Training Programmes

The article considers interpreter training in historical and modern aspects. It covers translator and interpreter training since the beginning of translation activity up to the present day. Special attention is paid to the description of European schools' programmes as well as to the specifics of the interpreter training programmes at the Higher School of Translation and Interpretation of Lomonosov Moscow State University.

Key words: translation and interpretation, interpreter training, history of translation, the Bologna process.

В современном мире, для которого характерна интенсификация контактов, устный и письменный переводы играют важную роль. Поэтому актуальной является проблема подготовки переводчиков. Образование переводчиков стремится к тому, чтобы выработать у них знания и навыки, в современной терминологии — компетенции, необходимые для осуществления профессиональной переводческой деятельности.

Сегодняшний переводчик должен прекрасно разбираться в теоретических аспектах перевода, владеть его методологией, обладать специфическими умениями и навыками, иметь обширную общекультурную базу, которая позволит ему быть высококлассным специалистом. Особое место в этом арсенале занимает основной инструмент переводчика — языки, иностранный и родной, без блестящего владения которыми говорить о переводе вряд ли возможно.

Опыт, накопленный столетиями как переводческой практики, так и размышлений над результатами переводческого труда, их анализа и оценки с целью выработать нормы правильного перевода, определить основные качества и умения, необходимые переводчику, представляет богатый материал для осмысления современной дидактикой перевода. Обратимся к некоторым наиболее известным в истории перевода суждениям авторов разных столетий.

Можно сказать, что впервые о теории перевода заговорили еще в древние времена. Именно в трактатах Цицерона мы находим упоминания о переводе, о переводчиках, а также некоторые теоретические размышления, которые свидетельствуют об осмыслении проблем переводческой деятельности. Для Цицерона, как и для многих его современников, перевод представлял собой вид второстепенной литературной деятельности. Перевод для него — это прежде всего упражнение, помогающее развитию красноречия. Основная работа Цицерона о переводе — это предисловие к собственным переводам Демосфена и Эсхина.

Выдающийся филолог, теолог и писатель Средневековья, святой Иероним, совершивший перевод Библии на латинский язык, к профессиональному знанию языков добавил навыки владения ораторской речью, без которых, по его мнению, не может обойтись настоящий переводчик.

По мнению итальянского гуманиста Леонардо Бруни, жившего в конце XIV — начале XV века, изъянами в работе переводчика является либо плохое понимание того, что следует перевести, либо неверное изложение, либо пренебрежение гармонией и изяществом текста. Причины этих изъянов Бруни видит в недостаточной образованности переводчика и в отсутствии у него литературного таланта. Бруни предпринимает попытку представить перевод в виде двусторонней деятельности. Первым и самым главным «грехом» переводчиков он считает слабое знание языков. И первым требованием к переводчику является совершенное владение обоими языками, т.е. не только языком оригинала, но и языком перевода. Второе же требование касается порождения текста на языке перевода. Бруни настаивает на том, что переводчик должен владеть языком перевода в совершенстве. Он призывает переводчиков, ищущих формы выражения, обращаться к лучшим образцам словесности на языке перевода, поскольку именно там могут быть найдены модели для составления текста перевода, который должен обязательно соответствовать общепринятым нормам речи.

Этьен Доле, живший уже в XVI веке, был гуманистом французского Возрождения, писателем, переводчиком, типографом. Для данного исследования интересен его трактат «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», опубликованный в 1540 году, так как он считается первой хартией переводчиков. В трактате изло-

жены основные положения переводческой концепции Доле. Автор понимал, что способности языка устанавливать необходимые для переноса значений ассоциативные связи между предметами и явлениями практически не повторяются при переходе от одного языка к другому. Отсюда и требование совершенного владения языком перевода. Во втором правиле трактата сказано, что переводчик должен превосходно владеть как языком оригинала, так и языком перевода. «Если переводчик не знает всех тонкостей и языка оригинала, и языка перевода, он наносит вред и автору, которого он переводит, и языку, на который он его перелагает, так как он не показывает достоинств и богатств обоих языков, которыми он оперирует, утверждал Доле» [Гарбовский, 2007, с. 89]. Основной тезис теории Доле сводится к тому, что великолепие выбранных слов само по себе недостаточно: необходимо соблюдать правила их взаимного расположения.

Таким образом, необходимо отметить, что на протяжении веков ученые, теоретики и переводчики говорили о нескольких неотъемлемых умениях переводчика. И одним из самых важных умений является отличное знание языка оригинала и виртуозное владение языком перевода, который в большинстве случаев родной для переводчиков. Без знаний родного языка, без умения правильно и хорошо говорить и писать на нём, невозможно создать хороший перевод, идет ли речь о письменном (художественном, научно-техническом) или устном переводе. Стоит подчеркнуть, что именно изящность стиля языка перевода на протяжении многих веков оказывалась «основным аргументом, влияющим на положительную оценку перевода» [Костикова, с.85]. Совершенствование навыков владения родным языком именно в переводческом аспекте должно быть неотъемлемой частью учебного процесса при подготовке высококлассных специалистов межкультурной коммуникации.

На протяжении многих веков образование переводчиков сводилось к изучению иностранного языка по книгам без использования какой-либо методики. Определенный политический интерес к области перевода появился во время колонизации европейскими государствами Нового Света. Начальными стадиями обучения переводу можно считать привлечение коренных народов колоний в метрополии для того, чтобы сделать их двуязычными посредниками. Датой начала государственного обучения переводчиков можно считать 1669 год, когда Кольбер издал во Франции декрет, постановляющий начало подготовки французских студентов в качестве переводчиков с турецкого, арабского и персидского языков, что привело к основанию Константинопольской школы. В 1754 году императрица Мария Терезия основала Восточную Академию, которая подготовила большое число востоковедов и переводчиков для работы при дворе Габсбургов.

Большое количество переводческих школ появилось в Европе в XX веке. На сегодняшний день универсальный подход к обучению переводчиков проявляется в западноевропейских учебных заведениях, которые были сосредоточены в основном на подготовке устных переводчиков и пользовались большой степенью независимости от университетских структур, не занимающихся профессиональной подготовкой. Такие институты были основаны в Гейдельберге (1930), Женеве (1941) и Вене (1943). В некоторых учебных заведениях, например в Московском государственном лингвистическом университете (1930), обучение переводу было эксплицитно интегрировано в программы независимых институтов иностранных языков; такая модель до сих пор свойственна России, Китаю и некоторым другим странам Восточной Европы.

После Второй мировой войны появилось несколько организаций, непосредственно занимающихся вопросами, касающимися перевода. Например, Международная федерация переводчиков (FIT — Fédération Internationale des traducteurs) — 1953 год, Международная ассоциация университетских центров по подготовке письменных и устных переводчиков («Международное объединение университетских институтов перевода») (CIUTI) — 1960 год. Институты и университеты, входящие в данные организации, гармонизируют программы обучения с требованиями, предъявляемыми переводчикам в различных международных организациях.

Как известно, с 19 июня 1999 года большинство европейских стран вступило в Болонский процесс, который на данный момент объединяет 46 стран. Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года на берлинской встрече министров образования европейских стран.

Во многих европейских вузах в программу обучения переводчиков включены различные курсы изучения родного языка. Например, в Высшем институте письменных и устных переводчиков (ISTI — Institut supérieur de Traducteurs et Interprètes) Брюсселя, основанном в 1958 году, мы видим следующие дисциплины: общая стилистика, техника письменной речи 1 (понимание и синтез текстов), теория французского языка и упражнения, техника письменной речи 2 (специализированные тексты, теория и упражнения), устный синтез и система записи, прикладная лингвистика французского языка, методы и техника устной речи.

Курс общей стилистики предусматривает изучение и анализ риторики, речевого этикета, также как и отношений между означающим и означаемым в различных стилях речи. Таким образом студенты учатся строить собственную речь в соответствии с правилами и нормами французского языка, понимать структуру и стиль текста.

На занятиях по технике письменной речи выполняются упражнения, направленные на следующие темы: семантика текста (вы-

деление семантических полей, упорядочивание данных), логика построения текста (логические связки, пунктуация, произношение и построение рассуждений), аргументация, уровни языка, паронимия, организация и структуризация идей, восстановление «чужого» текста. Курс также предусматривает выработку навыка ведения библиографических и лексикографических исследований. При помощи этого курса студент учится преодолевать трудности, связанные с расшифровкой и пониманием текстов, он овладевает навыком «перевода с французского на французский» при помощи ряда упражнений, являющихся подготовкой к письменному переводу. Данные занятия являются подготовкой для следующей части курса техники письменной речи.

Вторая часть курса техники письменной речи направлена на некоторые теоретические аспекты: теорию коммуникации, прагматику, темпоральность, лексикологию, синтаксис, грамматику текста. Также изучаются способы работы с текстом: как ввести информацию, цитирование, противопоставление, иллюстрирование, определение, пояснение. Помимо этого в программу входит корректировочный курс французского языка: выявление ошибок и небольших недочетов (варваризмов, солецизмов, неточностей выражения, «ложных друзей», областных слов), повторов, смещения стилей и т.п. Оформление текста: расположение на странице, пунктуация, аббревиатуры, ведение записей, правила оформления библиографий. Целью данного курса является подготовка студента к редактированию научно-технических текстов. Занятия построены на выполнении различных упражнений, всегда связанных с теоретическим подходом к письменной коммуникации.

На лекциях по теории французского языка рассказывается о принципах организации и функционирования языка. В первую очередь этот курс направлен на выработку умений исправлять и изменять фразы, что необходимо как для письменного, так и для устного перевода. Углубленное знание языка развивается при помощи приведения примеров, иллюстрирующих разные коммуникативные ситуации. В начале рассказывается об определении общности и различий во французском языке в соответствии с тремя параметрами: время, пространство и общество; а также изучается методология, используемая при анализе различных явлений в лингвистике. Три части, соответствующие трём уровням лингвистического анализа, составляют курс: фонетика и фонология, морфология и синтаксис и грамматика текста. Фонема, слово, синтагма, фраза и текст изучаются в свете их использования в языке. Основной целью этого курса является точное понимание функционирования языка с точки зрения разных систем, из которых он состоит. Определение и решение различных проблем, возникающих при понимании и создании как устных, так и письменных высказываний.

Устный синтез и система записи предусматривают упражнения, направленные на тренировку памяти, построенные на воспроизведении всё более и более длинных текстов. Конечной целью курса является немедленное понимание и использование системы переводческой скорописи. Курс необходим для подготовки к занятиям по устному переводу. К моменту, когда студенты начинают заниматься последовательным переводом, они должны уметь записывать основную информацию понятно и доступно на родном языке.

На семинарском курсе прикладной лингвистики французского языка изучается лексикология и терминология. Структура лексической системы, характеристика науки о неологизмах, лексикографическая работа; изучение наименований некоторых понятий в специализированных сферах, принципы употребления терминов и синтаксис языка специальности направлены на улучшение навыков письменного специализированного перевода на французский. Данные занятия помогают научить студентов работать с различными типами словарей, анализировать или создавать неологизмы, использовать базы терминологических данных и т.п.

Занятия по методам и технике устной речи направлены на выполнение двух задач: выступление перед аудиторией (отношение, жестикация, правильное произношение, артикуляция, скорость речи, интонация, структура дискурса) и подготовка к технике устного перевода (запоминание, понимание, система записи, устное восстановление речи другого человека). На этих занятиях студенты готовятся, с одной стороны, к применению техники устного перевода, а с другой стороны, улучшают свою речь на французском языке, выполняя упражнения на формулировку, синтаксис, лексический выбор, а также они уделяют внимание паралингвистическим аспектам презентации.

Таким образом можно отметить, что в программе подготовки как устных, так и письменных переводчиков в Бельгии, особое внимание уделяется французскому языку, который является родным для студентов. На протяжении первых четырёх семестров они изучают не только систему языка и ее функционирование, но и готовятся к письменному и устному переводу, выполняя различные упражнения, направленные на улучшение владения родным языком.

Совершенствование навыков владения родным языком именно в переводческом аспекте должно быть неотъемлемой частью учебного процесса при подготовке высококлассных специалистов межъязыковой коммуникации. При обучении студентов устному переводу с иностранного языка на родной возникают определённые трудности, связанные с различиями в системах этих языков. Именно поэтому при подготовке переводчиков важно учитывать возможное влияние одного языка на другой и вырабатывать у студента навыки автоматического перевода. Но прежде чем студент

начнет переводить, он должен знать не только особенности изучаемого иностранного языка, но и в первую очередь в совершенстве владеть родным языком, обладать навыками внутриязыковых трансформаций, перефразирования и т.д.

Данная необходимость связана с тем, что в момент перевода система языка-оригинала воздействует на переводящий язык, создавая факты интерференции, т.е. система одного языка воздействует на другой в условиях двуязычия. Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия языков, используемых в переводе. Для примера мы возьмем пару французский—русский, где доминирующим будет русский язык. В таком случае на фонетическом уровне можно обнаружить недопустимое во французском языке оглушение конечных согласных, свойственное русскому, нечёткое произнесение гласных и т.п. На уровне интонации интерференция особенно заметна, она является первым признаком, отличающим иностранца от носителя языка. На уровне лексики интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающим и означаемым в паре языков. Интерференция может послужить причиной искажения грамматических значений, неверного выбора синтаксических структур, порядка слов, ошибок в пунктуации и т.д.

В связи с тем, что наиболее сложные явления интерференции возникают на узуальном уровне, когда в силу интерференции правильная речь на иностранном языке подвергается влиянию родного языка, возникают ошибки на всех языковых уровнях — фонетическом, грамматическом, лексическом и интонационном.

Но не только при переводе на иностранный язык можно столкнуться с явлениями интерференции. Иностранный язык также ощутимо действует на родной язык переводчика как в устном, так и в письменном переводе. Невозможность дословного перевода вынуждает переводчика пользоваться эквивалентными выражениями в родном и иностранном языках. Например, словосочетание “*situation tendue*” можно перевести двумя способами — «острое положение» и «напряжённое положение», но при воздействии французского языка на восприятие русскоговорящего переводчика может возникнуть ошибочный перевод: «натяннутая ситуация», что будет являться калькой с французского языка.

При обучении переводу русских студентов на начальном этапе важно обращать на возможные, самые частотные ошибки в переводе. Одной из таких ошибок в паре французский—русский является аджективит. В русском языке имеются парные синонимичные обороты, состоящие из существительного с прилагательным и из существительного с существительным в косвенном падеже. (Ср. *европейский город* и *город в Европе*). Во всех случаях существительные

в косвенных падежах в функции определения указывают только на принадлежность, а прилагательные дают дополнительную качественную характеристику, указывают на постоянство признака. «**Адъективитом**» называется довольно распространённое в современной речи (как в письменной, так и устной) стилистически порицаемое употребление относительных прилагательных вместо существительных в косвенных падежах, выполняющих функцию определения там, где следует обозначить только отношение к предмету. Особое внимание следует обратить на словосочетания, в которых в качестве определения выступает отношение к стране, городу, например: *французский президент* и *президент Франции*. Данное явление может объясняться влиянием английского языка, в котором конструкции с относительными прилагательными вполне нормативны и встречаются в речи довольно часто. Во французском языке адъективит, хоть и порицаемый стилистами, получил большее распространение, чем в русском. Поэтому при переводе с французского языка на русский следует остерегаться калькирования подобных конструкций, напротив — при переводе с русского на французский именные конструкции могут заменяться на обороты с прилагательным.

В учебнике «Теория и практика перевода» под редакцией В.Г. Гака и Б.Б. Григорьева в первом же уроке встречаются такие сочетания, как “*ministre belge*”, “*le président égyptien*”, “*le secrétaire d’Etat américain*”, “*le chef de la diplomatie américaine*” и т.д. Студенты, не услышав предварительного объяснения данного явления во французском языке и особенностей его перевода на русский, делают стилистическую ошибку, переводя данные сочетания с использованием конструкции «существительное + относительное прилагательное», что приводит к порождению неправильного предложения с точки зрения стилистики русского языка.

В связи с этим целесообразно на занятиях по стилистике русского языка и культуре речи обращать внимание на возможные ошибки при переводе с французского языка на русский (с учетом того, что студент учится быть переводчиком именно с данной парой языков). Избавляться от ошибок, связанных с адъективитом, возможно при помощи упражнений на перефразирование. Например:

1. Измените словосочетания, используя конструкцию «существительное + существительное в косвенном падеже».

- 1) французский город — город во Франции;
- 2) немецкое население — население Германии, и т.п.

2. Исправьте стилистические ошибки в предложениях.

1) Во второй половине дня американский президент покинул Каир. — Во второй половине дня президент Америки (глава Соединённых Штатов) покинул Каир (столицу Египта).

2) В конце декабря с официальным визитом в Москву приедет канадский премьер-министр. — В конце декабря с официальным визитом в Москву приедет премьер-министр Канады.

Подобные упражнения не только помогут студентам в дальнейшем избежать частых ошибок, но и покажут им правильный порядок слов в официально-деловых текстах и расширят общекультурные знания об окружающем мире.

Задания на внутриязыковое перефразирование в свою очередь помогут расширить словарный запас и способность найти подходящий термин в ситуации перевода. К перифразе обращаются и в том случае, когда приходится работать в аудитории, незнакомой со специальной терминологией, например: *скипетр* — символ царской власти. В таком случае студентам можно предложить такое упражнение:

1. Замените данные ниже слова перифразами (при этом задание следует выполнять в максимально высоком темпе, паузы не должны превышать 3—4 секунды).

1) тонометр — прибор для измерения давления;

2) пиетет — глубокое уважение, и т.д.

Помимо этого будущим переводчикам полезны упражнения на речевую компрессию, переводческое прогнозирование и другие. Подобные задания представлены в учебнике «Русский язык и культура речи. Практикум для переводчиков» М.Н. Есаковой, Ю.Н. Кольцовой, Г.М. Литвиновой.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно отметить, что для высококлассного специалиста в области перевода необходимо не только знание иностранного языка, но и совершенное владение родным языком, «чувство языка». Именно поэтому при подготовке как устных, так и письменных переводчиков должна быть разработана система упражнений, подходящая не только для развития общеречевых компетенций, но и развивающая определенные навыки в конкретной паре языков. Данные выводы можно сделать как изучив историю перевода, так и учебные программы, применяемые в вузах Европы и России.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М., 2004.
- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н., Литвинова Г.М. Русский язык и культура речи. Нормы современного русского литературного языка. Практикум для переводчиков. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011.
- Костикова О.И. К основаниям теории переводческой критики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 1. С. 82—98.
- Présentation de l’Institut, description des cours, heb Haute Ecole de Bruxelles. Брюссель, 1997.

Л.И. Раздобудько-Чович,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета Косовомитровского университета, Сербия; e-mail: covicb@mail.ru

**ПЕРЕВОД КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИМПРОВИЗАЦИЯ.
НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБСКИХ ПЕРЕВОДОВ МЕМУАРОВ И
В. НАБОКОВА С ДВУХ «ОРИГИНАЛОВ»: АНГЛИЙСКОГО
(«SPEAK, MEMORY») И РУССКОГО («ДРУГИЕ БЕРЕГА»)**

Данная работа посвящена анализу двух переводов на сербский язык мемуаров В. Набокова. Один из них сделан с романа на русском языке «Другие берега», являющегося автопереводом с английского языка исходного текста под заглавием “Conclusive Evidence”, а другой — с его авторизованного перевода на английский язык под заглавием “*Speak, Memory*”. Проанализирована специфика двух сербских переводов этих романов, представлен количественный и качественный обзор переводов этих произведений Набокова, выявлена специфика набоковской теории перевода и её отражение в практической переводческой деятельности писателя на основании анализа автобиографических романов «Другие берега» и «Память, говори» на русском языке. После проведённого анализа автор пришёл к заключению, что качество текста перевода Нады Шолян, именно как текста, его текстовой целостности, логичности, непротиворечивости, лучше перевода Петра Вуйичича. Не секрет, что перевод Петра Вуйичича содержит ошибки, которые обнаруживаются и без обращения к оригиналу, но которые и не относятся к языковым ошибкам. Это логические ошибки.

Кроме того, интерпретация оригинального художественного произведения в авторизованном переводе определяется комплексом различных факторов, обусловленных, во-первых, уникальной природой авторизованного перевода как такового, во-вторых, концептуально-эстетическими особенностями исходного текста, в-третьих, лингвокультурной спецификой всех авторов перевода — автора, переводчика и читателей, для которых адаптируется, интерпретируется оригинальное произведение.

Ключевые слова: художественный перевод, автоперевод, авторизованный перевод, реалии, игра слов, звуковая инструментовка текста.

Larisa I. Razdobudko-Čović,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, Kosovska Mitrovica State University, Serbia; e-mail: covicb@mail.ru

Translation as Interpretation and Improvisation: a Case Study of Authorized Translations of Vladimir Nabokov’s Memoirs into Serbian

The author analyzes two Serbian translations of Vladimir Nabokov’s memoirs. One is a translation of the novel published in Russian and entitled «Другие берега» (i.e. *Other Shores*), which is in fact an authorized translation of the English original *Conclusive Evidence*. The other, however, is a translation of the English authorized translation from Russian under the title “*Speak, Memory*.” Peculiarities of these two Serbian translations are analyzed with an overview of typical mistakes caused by linguistic peculiarities of the original texts. Additionally, Nabokov’s personal approach to translation, primarily interpretative, is emphasized. The author of the study has come to the conclusion that the

quality Nada Soljan’s translation from the English original “*Speak, Memory*” surpasses the translation made by Petar Vujichich from the Russian original. Many mistakes in this translation are obvious even without any comparison with the original text, and such comparison makes them all the more obvious almost in every sentence.

Besides, an interpretation of the original literary text in an authorized translation is determined by a whole range of factors depending on various peculiarities of Nabokov’s original authorized translation as such as well as the conceptual-esthetic peculiarities of the original text, and finally, different linguistic and cultural traits of all authors of the translations: the author, the translator and the reader.

Key words: literary translation, auto-translation, authorized translation, realities, play on words, auditive aspect of a text.

Любой перевод является не только средством коммуникации и адаптации, но и средством интерпретации оригинального произведения [Чович, 1994, с. 147—155]. Художественному тексту по природе присущ интегративный многоуровневый комплекс смыслов. Поэтому переводчик, преобразуя текст на ином языке, должен его адаптировать, учитывая, с одной стороны, специфику читательского менталитета языка цели, а с другой — поэтические и жанровые особенности той литературы, на язык которой данное произведение переводят. Поэтому перевод — это своеобразная интерпретация интерпретации, как неотъемлемая часть процесса и результат художественного перевода [Гарбовский, 2008, с. 26—36].

Выбор именно мемуаров Набокова для нашего исследования не случаен.

Во-первых, чрезвычайная стилистическая и лингвистическая специфика текстов Набокова обуславливает особый интерес к тому, как она передаётся на близко родственном славянском языке, в данном случае — сербском.

Во-вторых, сам Набоков является писателем-билингвом, поэтому сравнение его авторских переводов представляет несомненный интерес.

В-третьих, Набоков был сам теоретиком художественного перевода, разработавшим собственную трансляционную концепцию, поэтому исследование авторского перевода представляет интерес для теоретика перевода, чтобы ответить на вопрос: насколько теоретические постулаты писателя нашли свое отражение в его практической деятельности.

В-четвёртых, оба варианта насыщены густой сетью именно русских реалий, — и задача первостепенной важности: проследить, как в сербских переводах: “*Govori, sijećanje!*” Нады Шолян¹ [Nabokov, 2002, 251 s.]; — и «Друге обале» Петра Вуйичича: [Вуйичић, 1995, 177 s.]², интерпретируется для сербско-хорватскоязычного читателя весь этот комплекс русского контекста.

¹ Перевод Нады Шолян сделан с оригинала: *Nabokov V. Speak, memory.*

² Перевод Петра Вуйичича сделан с оригинала: *Набоков В. Другие берега. М., 1989.*

Наконец, в-пятых, следует уточнить, что является основной целью настоящего исследования под заглавием — «Перевод как интерпретация и импровизация» (на материале сербских переводов мемуаров В.Набокова с двух «оригиналов»: английского (“*Speak, memory*”) и русского («*Другие берега*»))

Слово «оригиналы» взято в кавычки не случайно, так как вариант «*Память, говори*» [Набоков, 1999] можно назвать авторизованным переводом «двойного» автоперевода, так как «*Другие берега*» [там же, с. 375—523] также является автопереводом с английского языка “*Conclusive Evidence*”. «Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо...», — пишет Набоков в предисловии к варианту «*Другие берега*» [там же, с. 378]. Этот автобиографический роман был переведен позднее Набоковым на английский язык — “*Speak, memory*”³. По словам автора, он «не только добавил к исходному английскому тексту существенные изменения и обильные вставки, но и воспользовался множеством исправлений, сделанных в русском его переводе. Это повторное англизирование русской переделки того, что представляло собой своеобразный английский пересказ русских воспоминаний, оказалось дьявольски трудной задачей, впрочем, я находил некоторое утешение в мысли, что такая, знакомая бабочкам, многократная метаморфоза ни единым человеческим существом прежде испробована не была» [там же].

Начнём с анализа перевода на сербский язык автобиографического романа «*Другие берега*», впервые опубликованного в России в 1988 году (журнал «Новый мир», 1988, № 5, 6), первый перевод которого на сербский язык был осуществлён в 1995 году. Автор перевода Петр Вуйичич, к сожалению, не очень удачно справился со своей нелегкой задачей.

Одной из наиболее характерных для идиостиля Набокова особенностей является окказиональная синтагматика, отражающая субъективные авторские ассоциации с особым набоковским видением мира. В особую группу выделяются окказиональные сочетания слов, формирующие неповторимую «звуковую ткань» произведения («зелёная зелень становится зеленой»), представляющие собой фразеологические сочетания с инкомпатибельными семантическими компонентами, семантически противоречащими единицами, — так называемыми фигурами гармонического противоречия, как оксюморон, антиметабола и парадокс («чернозёмно-шпинатный бас», «сиреневый звук»), сочетания, в которых предметы получают характеристику, свойственную человеку («ласковая

балюстрада», «весёлые велосипеды» «застенчивые шляпы»), сочетания, отражающие своеобразие наглядного модуса действительности («синееконное прошлое», «клеякая свежесть», «телесная ясность»), что также явилось не под силу переводчику, как и обилие терминов в художественном тексте, говорит о своеобразии языковой личности Набокова, в которой нередко «совмещены» лексиконы ученого-энтомолога и писателя.

Проблемы, которые должен решить переводчик, многочисленны. Это, во-первых, проблема «культурной переводимости», то есть передача культурного, исторического, литературного, бытового контекста, равно как и глубоко философского аспекта в данном переводе. Во-вторых, это проблема перевода формальных приемов, таких как игра слов, звуковая инструментовка текста и тому подобное. В-третьих, это проблема стилистической идентичности и самоидентичности писателя. К сожалению, почти ни одна из выделенных проблем не была решена переводчиком Петром Вуйичичем, и его перевод представляет собой «энциклопедию» ошибок как смысловых (искажения, неточности и неясности), так и языковых — лексических, грамматических, стилистических и орфографических. Кроме того, текст перевода содержит логические ошибки предметного и понятийного типа. Нарушения обязательных норм языка перевода, влияющие на эквивалентность перевода и свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком данным языком или его неумении преодолеть влияние языка оригинала. Ошибки этого рода дают основания судить о половинчатой общеязыковой культуре и грамотности переводчика.

В качестве иллюстрации приведём примеры из первой главы:

Начиная уже со второго предложения первого абзаца открывается целый ряд не только переводческих, но и ошибок в родном языке:

«Заглушая шёпот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально чёрными вечностями» (*Другие берега*, с. 379). — «Заглушујући шапат надахнутих сујеверија, здрав разум нам говори да је живот само пукотина слабе светлости између двеју идеално црних вечности» (Петр Вуйичич, с. 9).

В данном предложении Вуйичич допустил две ошибки: во-первых, морфологическую, превратив деепричастие в прилагательное; во-вторых — синтаксическую: деепричастный оборот нужно было перевести придаточным времени: *Пошто(кад је) је пригушио шапат надахнутих сујеверија...* (перевод наш).

Кроме того, он употребил деепричастие несовершенного вида в функции отглагольного прилагательного, что недопустимо нормами сербского языка. Предложение поэтому в целом оказалось бессмысленным.

³ “*Speak, memory*” в свою очередь был переведён Ильиным на русский как «*Память, говори*».

В следующем предложении «Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятием, чем в ту, в которой летим со скоростью четырёх тысяч пятисот ударов сердца в час» (ДБ, с. 379), переводчик не понял, что имеется в виду *бездна* его, автора, рождения (*преджизненная бездна*). Смысловую доминанту *преджизненное время* он настолько упростил и обесмыслил, что от философских контентаций автора не осталось и следа. Уже на основании беглого анализа первого абзаца можно заключить, что переводчик попытался обойтись без так называемого внимательного чтения (*close reading*), без которого невозможно понять, точнее — разгадать тайну нагромождённых набоковских метафор и самых разнообразных тропов и фигур, при помощи которых передаются его многочисленные, иногда противоречивые и парадоксальные философские раздумья. Наши предположения полностью оправдались. Не справившись с целым рядом метафор, а в особенности тех, которые в стилистике называются фигурами гармонических противоречий, какими являются в первую очередь оксюморон и парадокс, он, конечно, был не в состоянии перевести нарастающие осложненными метафорами ряды синонимов данного романа. К тому же он не смог понять ни игру слов *кость гроба* — и *кости, которые исчезли* (*мртвило мртвачког ковчега — нестале су чак и његове кости*). Петр Вуйичич (в дальнейшем тексте: ПВ) использовал ошибочный переводческий приём — пословный перевод. Вместе с тем основной единицей перевода этого романа должно быть даже не предложение, а ряд связанных по смыслу предложений, образующих высшее, более сложное синтаксическое единство, так называемое *сверхфразовое единство*, которое удачно в свое время формалисты назвали *прозаической строфой*. По-нашему мнению, необходимо было переводить данный текст блоками — сверхфразовыми единствами, с обязательным предварительным фазисом — структурно-семантическим анализом текста оригинала⁴. А без вышеназванных предпосылок не следовало бы даже прикладывать свою «бестолковую» руку к такой священной, культовой, философской книге. И поэтому просто-напросто напрашивается вывод, что такой сложности и насыщенности метафорами текст может быть переведён только «в четыре руки», если можно так выразиться, две из которых должны принадлежать носителю исходного языка, а две — носителю языка цели, при ещё одном условии: такие переводчики должны обладать большим опытом и талантом. Лишь тогда они смогут попытаться посоперничать с многогранным перереводческим талантом самого Набокова и его оригинальными переводческими метаморфозами.

⁴ Ср.: [Кушникова, 2004, с. 15, 139—142].

В дальнейшем анализе мы ограничимся выделением ошибок, связанных с переводом на близкородственный язык, то есть речь пойдёт об интерференции. Например, «Я *знавал*, впрочем, чувствительного юношу, страдавшего хронофобией и в отношении к безграничному прошлому» (ДБ, с. 379). Глагол *знавать* в прошедшем времени имеет значение ‘быть давно знакомым с кем-нибудь, или хорошо быть знакомым, или знать кого-либо или что-либо с детства’, или ‘знавать свой *alterego* с молодых ногтей’, а наш переводчик, не разобравшись в философской игре временами: *прошлое безграничное — преджизненное* — из раздумий молодого человека, автора в молодости, и *прошлого реального* — уже взрослого героя, пропустившего данные воспоминания сквозь призму молодого юноши, ошибочно перевел этот глагол как *познавао сам*: «Усталом, *познавао сам* осетльвиго младића који је патио од хронофобије и у односу према безграничној прошлости» (ПВ, с. 9). Наш переводчик нашел ошибочное решение: перевёл этот глагол словно перед ним глагол *знать* и тем самым десемантизировал и упростил эту сложную игру временами.

Такую же ошибку он допустил при переводе глагола *просматривать*, когда перевёл его сербским глаголом *гледати* вместо «*гледао више пута*» или «*увек када би са потиштеношћу готово паничном гледао породични филм...*», что свидетельствует о том, что переводчик не владеет основными знаниями по морфологии русского глагола. Кроме того, в данном предложении имеются также и лексические ошибки. Например, неточный перевод слова *томление*, это — не *страх*, а *потештеност*. Этим, конечно, не исчерпываются ошибки данного типа — их тьма-тьмушая!

Кстати сказать, примеры такого типа перевода на уровне сверхфразового единства можно использовать как хрестоматийный пример для работы со студентами по переводу художественного философского текста, а ошибки переводчика — использовать на практических занятиях по типологии переводческих ошибок.

А теперь займёмся сравнительным анализом перевода на сербскохорватский язык Нады Шолян.

Что касается романа «*Память, говори*», представляющего собой авторизованный перевод с русского романа «*Другие берега*», то необходимо отметить, что здесь особое значение приобретает билингвизм, который в литературоведческом плане порождает целый комплекс проблем, таких как проблема дуалистического воздействия языков на стили произведений; проблема приоритетности языка в творчестве автора; проблема национальной (и культурной) идентификации и самоидентификации писателя; проблема языковой (и культурной) интерференции; проблема восприятия и исследования произведений писателя, написанных на родном для читателей языке; проблема специфики билингвизма автора как

переводчика плюс проблемы, связанные с переводом авторизованного перевода на близкородственный язык, в данном случае на сербскохорватский, автобиографического романа «Память, говори».

Наша переводчица Нада Шолян по сравнению с предыдущим переводчиком сравнительно неплохо справилась с решением этих переводческих проблем, наверное, потому, что она переводила с английского. Однако, судя по всему, переводы: с английского Сергея Ильина (в дальнейшем тексте: СИ) на русский под заглавием «Память, говори» и Нади Шолян (в дальнейшем тексте: НШ) на сербский «Govori, sijećanje!» (восклицательного знака в оригинале нет!) — с одного и того же исходного текста. Если сравнить первый абзац перевода Нады Шолян с переводом Петра Вуйичича, то ошибок у переводчицы было намного меньше, так как оригинальный текст на английском — менее сложный и метафоричный, и поэтому, по-видимому, было легче его переводить. Несмотря на это, остались места, в которых Нада Шолян допустила те же ошибки, что и Петр Вуйичич. Например, при переводе глаголов *знавал* и *просматривать*. Многократный глагол *знавать* перевела глаголом *roznaje* (НШ, с. 15). В предложении *Просматривая домашнего производства фильм...* многократный глагол *просматривать* Нада Шолян перевела глаголом *gledati* — «...kada je prvi put gledao film snimljen u njevoj kući...» (НШ, с. 15), добавив в предложение словосочетание *prvi put*, которое не подсказывается окружающим контекстом.

Интересно отметить то место, где сравнивается *коляска с гробом*. У Ильина это место гласит: «с самодовольной наглостью гроба», а у Нады Шолян — «*sva okružena nekom samozadovoljnom prodornom atmosferom lijesa...*» (НШ, с. 15), хотя эквивалентом русского слова *наглость* является — *bohatost*. Если сравнить два сербскохорватских перевода, то перевод Нады Шолян лучше, несмотря на указанные ошибки.

Основными маркерами интерпретации в авторизованном переводе романа «Память, говори» на русский язык и романа «Другие берега» являются расхождения между двумя текстами, которые можно условно типологизировать следующим образом:

— лексические замены, лексическая адаптация, лексическая интерпретация и синтаксические несоответствия, например: «*Заглушая шепот вдохновенных суеверий, здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя идеально черными вечностями. Разницы в их черноте нет никакой, но в бездну преджизненную нам свойственно вглядываться с меньшим смятением, чем в ту, к которой летим со скоростью четырех тысяч пятисот ударов сердца в час*» (ДБ, с. 379) — «*Колыбель качается над бездной, и здравый смысл говорит нам, что жизнь — только щель слабого света между двумя вечностями тьмы. Хотя обе они — совершенные*

близнецы, человек, как правило, с пушим спокойствием вглядывается в бездну преджизненную, чем в ту, к которой летит (со скоростью четырех тысяч пятисот ударов в час)» (ПГ);

— трансформация звуковых соответствий, игра слов, смысловая адаптация, трансформация оригинального текста при передаче культурных, исторических и литературных аллюзий: «*Но в иных случаях хронология ложится у ног с любовью. Вижу, например, такую картину: карабкаюсь лягушкой по мокрым, чёрным приморским скалам; мисс Норкот, томная и печальная гувернантка, думая, что я следую за ней, удаляется с моим братом вдоль **взморья**; карабкаюсь, я твержу, как некое истое, красноречивое, утоляющее душу заклинание, простое английское слово “**чайльдхуд**” (детство); знакомый звук постепенно становится новым, странным, и вконец завораживается, когда другие “худ”ы к нему присоединяются в моём маленьком, переполненном и кипящем мозгу — “Робин Худ” и “Литль Ред Райдинг Худ” (Красная Шапочка) и бурый куколь (“худ”) горбуны-феи. В скале есть впадинки, в них стоит тёплая морская водица, и бормоча, я как бы колдую над этими васильковыми купелями*» (ДБ, с. 383). — «*Но в иных случаях нехватки сведений я не испытываю. Вижу, например, такую картину: карабкаюсь по мокрым, чёрным приморским скалам; мисс Норкот, томная и печальная гувернантка, думая, что я следую за ней, удаляется вдоль **лукоморья** с Сергеем, моим младшим братом. На руке у меня игрушечный браслет. Карабкаюсь, я твержу, как некое **истое, пышное**, утоляющее душу заклинание, английское слово “чайльдхуд” (детство), звук которого постепенно становится новым, таинственным, странным, и вконец завораживается, когда в моём маленьком, переполненном и кипящем мозгу к нему присоединяются “Робин Худ”, “Литль Ред Райдинг Худ” (Красная Шапочка) и бурый куколь (“худ”) старой горбуны-феи. В скале есть впадинки, в них стоит тёплая морская водица, и мое магическое бормотание сопровождает некие заклинания, которые я **сплетаю** над крохотными васильковыми купелями*» (ПГ).

Подводя итоги проделанному анализу, хотелось бы отметить следующее:

1. Качества текста перевода Нади Шолян, именно как текста, его текстовой целостности, логичности, непротиворечивости лучше перевода Петра Вуйичича. Не секрет, что перевод Петра Вуйичича содержит ошибки, которые обнаруживаются и без обращения к оригиналу, но которые и не относятся к языковым ошибкам. Это логические ошибки. Часть ошибок этого типа могут быть соотнесены со смысловыми ошибками, которые являются самыми серьёзными из всех. Если переводчик не понял смысла оригинала или понял, но неверно передал его на языке перевода, то это приводит или к грубому искажению оригинала, или к менее грубым оплош-

ностям, когда смысл искажается частично. Встречаются достаточно часто и стилистические ошибки в переводе, когда используемые слова, конструкции или стилистического средства не соответствуют по своим функционально-языковым свойствам той жанрово-стилистической разновидности текста, к которой относится оригинал.

2. Интерпретация оригинального художественного произведения в авторизованном переводе определяется комплексом различных факторов, обусловленных, во-первых, уникальной природой авторизованного перевода как такового, во-вторых, концептуально-эстетическими особенностями исходного текста, в-третьих, лингвокультурной спецификой всех авторов перевода — автора, переводчика и читателей, для которых адаптируется, интерпретируется оригинальное произведение.

3. Набоковская теория перевода, несмотря на свою стройность и последовательность, в итоговом варианте не применяется Набоковым в переводе собственных произведений, что объясняется мнением писателя об исключительном праве автора трансформировать оригинал, отходя тем самым от буквалистской концепции.

4. Основными маркерами интерпретации в авторизованном переводе романа «Память, говори» на русский язык и романа «Другие берега» являются расхождения между двумя текстами, которые можно условно типологизировать следующим образом: лексические замены; лексическая адаптация; лексическая интерпретация; трансформация звуковых соответствий, игры слов; перевод имён; синтаксические несоответствия; смысловая адаптация; использование иноязычной лексики; трансформация оригинального текста при передаче культурных, исторических и литературных аллюзий.

Список литературы

- Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода // Мастерство перевода. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 2.
- Жук Д.Ю. Авторизованный перевод как средство интерпретации художественного произведения (роман В. Набокова «Дар» / “The gift”): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 206 с.
- Кушнина Л.В. Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 2004. 163 с.
- Набоков В. Друге обале. Превео са руског Петр Вујичић. Градац: ALEF, 1995. 177 с.
- Набоков В. Другие берега. М.: Слово/Slovo, 1999.
- Набоков В. Память, говори / Пер. с англ. С. Ильина // Собр. соч. американского периода: В 5 т. М.: Симпозиум, 1999. Т. 5.
- Човић Б. Поетика књижевног превођења. Београд: Научна књига, 1994.
- Nabokov V.B. Govori, sjećanje! / S engleskog prevela Nada Šoljan. Rijeka: “Otokar keršovani” d.o.o., 2002. 251 с.

Е.В. Трухтанова,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ekaterina.trukhtanova@yandtx.ru

С.И. Трухтанов,

старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: struk00@mail.ru

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ДРЕВНЕЯПОНСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье затрагиваются проблемы перевода на русский язык стихов, традиционных для японской поэзии — «Вака», для которой является характерной абсолютная свобода формы, отсутствие ритма, рифм, а также знаков пунктуации.

Авторы статьи утверждают, что эта средневековая стихотворная форма, являющаяся абсолютно естественной для иероглифических языков, будучи переведённой на русский язык, выглядят как претенциозная, искусственная проза. Согласно мнению авторов статьи, литературные формы дистантных культур не могут автоматически переноситься из одного языка в другой без какого-либо рода адаптации.

Для разрешения данной проблемы авторы предлагают метод избыточной рифмовки (когда около половины слов в стихотворении рифмуются) при переводе, что сделает произведение более понятным и легко воспринимаемым для русскоязычного читателя.

В статье приводятся примеры как традиционного перевода стихов, так и переводов, основанных на предложенном решении, а читателям предлагается оценить полученные результаты.

Ключевые слова: японская поэзия, перевод, адаптация, дистантные культуры, рифмованность.

Yekaterina V. Trukhtanova,

PHD, associate professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ekaterina.trukhtanova@yandtx.ru

Sergei I. Trukhtanov,

Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: struk00@mail.ru

Peculiarities of Translation of Ancient Japanese Poetry

The article touches upon many issues of translating into Russian the traditional form of Japanese poetry *Vaka*, characterized by an absolutely free form, lacking rhythm, rhymes and punctuation marks.

The authors maintain that this medieval form, quite natural for a hieroglyphic language such as Japanese, is totally alien to Russian culture and, when translated into Russian, looks like a piece of pretentious artificial prose. The authors believe that literary forms of distant cultures are not to be automatically borrowed without adaptation.

To solve this problem the authors suggest that excessive rhyming (when as many as half the words of the poem are rhymed) be practiced in translation, which will both preserve the spirit of original refinement and make the form more acceptable to a Russian reader.

Along with traditional translations, the article features those made in compliance with the new method thus letting the reader judge the results.

Key words: Japanese poetry, translation, adaptation, distant cultures, rhyming.

Говоря о переводе художественных текстов с одного языка на другой, думается, что мы не будем оригинальны, если укажем на то, что основные трудности возникают при переводе текстов, принадлежащих к наиболее дистантным друг от друга культурам. При этом поэтический текст как наиболее высокоорганизованная и вместе с тем сложная форма художественной речи ставит перед переводчиком наибольшее количество трудноразрешимых задач. Именно формальная организация текста поэтической речи и прежде всего его ритмостроение являются причиной необходимости использовать при переводе весь арсенал переводческих приёмов и методик. В современной поэзии взаимодействие стихотворных форм и слов (сопоставление слов в условиях ритмической структуры и рифм, отчетливое выявление звуковой стороны речи, взаимоотношение ритмических и синтаксических построений) создает тонкие и сложные оттенки движения художественного смысла. К тому же, хотим мы этого или нет, язык перевода накладывает на перевод оригинальных поэтических текстов существенные и зачастую непреодолимые ограничения, связанные с особенностями структуры как одного, так и другого языка.

В данной работе нами предпринята попытка анализа некоторых переводческих трудностей при переводе стихотворных текстов дистантных культур, в частности на примере переводов некоторых стихотворений японской средневековой поэзии на современный русский язык.

Так, многие проблемы перевода японской поэзии на русский язык кажутся достаточно сложными прежде всего с точки зрения теории перевода и поиска адекватных художественных средств в русском языке. Задача представляется тем более интересной, что обе культуры в отношении друг друга являются наиболее дистантными как в плане содержания, так и в плане выражения.

В сознании русскоязычного современного читателя японская поэзия представлена в основном в виде пятистиший *танка* — в первой и третьей строках произведения по пяти слогов, в остальных — по семи, всего 31 слог — и трёхстиший *хокку* (или *хайку*) — в первом и третьем стихах по пяти слогов, во втором — семь (всего 17 слогов). Обе формы представляют собой два наиболее широко известных направления в поэтических традициях японской поэзии «Дэнтоси». Несмотря на то что в стихотворениях данного направления отсутствуют рифмы и явно ощутимый метр, при крайней сжатости эти миниатюры обладают исключительной смысловой

ёмкостью и, будучи переведёнными на русский язык, воспринимаются реципиентами как образцы инокультурного мышления, воплощённые в оригинальных образцах инокультурной поэзии.

Несколько иначе обстоит дело с переводом стихотворных произведений такого направления японской поэзии, как «Вака», где так же, как и в поэзии «Дэнтоси», отсутствуют метр и рифмы, но при этом количество строк и слогов в стихотворении не ограничивается. К тому же, если вспомнить, что в японском языке отсутствуют знаки препинания, и посмотреть на то, что получается у переводчика, попытавшегося сохранить неизменными все особенности японской поэзии «Вака» для русского читателя, то мы можем заранее сказать, что результат будет далёк от совершенства.

Дело в том, что русская поэтическая традиция требует от автора формально организовывать поэтический текст, т.е. текст должен быть если не рифмованным, то иметь определённый ритм, что позволяет отнести его к разряду именно поэтических текстов. Тогда как тексты, не отвечающие этому требованию, воспринимаются читателем как прозаические. Таким образом, нижеприведенные стихи императора Тэмму [здесь и далее: «Стихи японских императоров», пер. Г. Свиридова, СПб.: Изд-во «Скрипториум», 2000, 64 с.], где переводчик вполне (как нам представляется) адекватно передал план содержания в полном соответствии с японской поэтической традицией, вряд ли могут быть восприняты русскоязычным читателем как поэтические произведения метрического или дисметрического свободного стиха:

Много снега выпало в моей деревне,
Старое селение Охара он покроет позже.

Древние были хорошие люди,
Они хорошенько смотрели,
Приговаривая: хорошее место Есино!
Так и вы, нынешние,
Тоже смотрите хорошенько!

В данном конкретном случае необходимо отметить, что сам принцип подхода к художественному переводу, когда на иноязычную (в данном случае — русскоязычную) почву автоматически переносятся экзотические средства выражения, присущие дистантной культуре, по-видимому, не совсем правилен.

О том, насколько экзотичны для русского языка выразительные средства японской поэзии, можно судить хотя бы по тому факту, что иероглифы, которыми написано стихотворение, рассматриваются носителями языка не только как тексты, но и как рисунки, усиливающие эстетическое впечатление от художественного произведения.

Очертив, таким образом, вкратце проблему перевода древних японских стихотворных текстов на русский язык, позволим себе представить некоторые соображения относительно возможных путей её решения.

Одним из наиболее распространённых переводческих приёмов является, как известно, адаптация, суть которой заключается в «приспособлении» языковых явлений ИЯ к языку-реципиенту. Чаще всего этот метод используется в отношении лексических явлений, таких как лакуны, идиоматические выражения, безэквивалентная лексика и ситуативные реалии. По нашему мнению, указанный переводческий приём мог бы с успехом быть применён и в отношении плана выражения текста, а не только плана содержания, как это было традиционно принято раньше. Исходный текст, таким образом, в переводе должен получить все характеристики русского стихотворного текста (ритм, рифмы), а графические ассоциации, создаваемые у читателя при помощи иероглифической письменности, могли бы быть компенсированы избыточными рифмами и ассонансами. Рифмы внутри стихотворной строки, не всегда осознанно воспринимаемые читателем при первом, иногда поверхностном чтении, могли бы оказать дополнительное художественное воздействие на читателя на уровне неосознанного восприятия по примеру того, как это происходит при чтении стихов в оригинале. Коэффициент рифмованности (отношение общего числа лексических единиц стихотворения к числу единиц, рифмующихся друг с другом) при этом должен приближаться к 2.

Применив предложенный метод к поэтическим переводам на практике, мы получили следующие результаты, пытаясь апробировать принципиальную возможность такого применения метода стихотворной адаптации.

Ниже приведены некоторые переводы стихов японских императоров, сделанные Г. Свиридовым, и новый вариант с использованием вышеуказанного приема адаптации (в скобках приводится коэффициент зарифмованности).

И у охотника щемит сердце...
Осенний ветер доносит
Вечерний крик оленя, зовущего жену.

Забыл про дичь стрелок: щемит в груди до слёз...
Вечерний крик оленя, зовущего подругу,
Вдруг ветерок донёс осенний. (1,7)

Император Готоба (1180—1239)

Каждое утро зеркало передо мной.
Как бы хотелось, чтобы сердце мое
Было столь же незамутненным

С утра зеркала не однажды увижу чистое стекло.
Ах, если б сердце стало так же
Лучисто и светло! (2)

Императрица Секэн (1850—1914)

Что спросить мне у кулика?
Может, узнать,
Что на сердце у моей возлюбленной.

У соловья, что пел без сна в глубинах сада,
Спрошу, зачем грустна любимая моя.
Или не надо? (2)

Император Гоасага (1220—1272)

Поникшие фиалки на весеннем поле
Источают аромат.
Пусть отразится их образ в сердце моем.

Как жалок вид фиалок, что, дыша весной, глядят с тоской немой.
Предсмертный грустен запах неземной...
Запомни этот аромат, душа! (1,8)

Император Тэймэй (1884—1951)

Полный обещаний рассвет
Вставал над городом Мино.
Откуда-то доносился звонкий стук молотка.

Вставал рассвет над Мино. Дальней мелодией его соткал
Летающий, полный обещаний,
Прочь с наковальни голос молотка. (2,6)

Император Сева (1884—1951)

Как нам представляется, несмотря на значительные отступления от оригинальных текстов с точки зрения плана содержания, в адаптированном виде с точки зрения плана выражения предложенные варианты переводов стихов японских императоров имеют больше прав называться поэзией.

Список литературы

- Бабочки полет. Японские трехстишья / Пер. с яп. В.Н. Марковой. М., 2000.
Долин А. О принципах перевода классической поэзии танка. Стихи.ру. 2010
Стихи японских императоров / Пер. Г. Свиридова. СПб.: Скрипториум, 2000.

М.В. Ундрицова,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: marusiaun@mail.ru

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена особому виду вербально-социального дискурса — гастрономическому (глуттоническому), целью которого является достижение коммуникации, связанной с историческими, религиозно-этническими и другими культурологическими аспектами процесса питания у различных народов. Автором указываются основные составляющие данного типа дискурса (лексико-грамматические, стилистические, фразеологические, экстралингвистические и др.), влияющие на его формирование и реализацию в коммуникации. Гастрономический дискурс иллюстрируется примерами на русском, английском и французском языках. Данная проблематика представляется значимой для переводческой деятельности.

Ключевые слова: гастрономический дискурс, глуттонический дискурс, вербально-социальный дискурс, процесс питания, экстралингвистические факторы, языковая картина мира, религиозные взгляды, влияние климата и географического расположения, перевод фразеологизмов, перевод паремий, перевод метафор.

Maria V. Undritsova,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: marusiaun@mail.ru

Gastronomic Discourse: Linguo-cultural and Translation Aspects

The article is dedicated to a specific type of verbal and social discourse, namely gastronomic, the purpose of which is to achieve communication associated with the historical, religious, ethnic and other cultural aspects of the nutrition process among different peoples. The author identifies the main components of this type of discourse (lexical and grammatical, stylistic, phraseological, extralinguistic, etc.), that influence its development in communication. Gastronomic discourse is illustrated by Russian, English and French examples.

Key words: Gastronomic discourse, verbal discourse, social discourse, nutrition process, extralinguistic factors, religious beliefs, the impact of climate and geographic location, translation of phraseological units, translation of metaphors.

Под гастрономическим, или глуттоническим, дискурсом мы понимаем особый вид вербально-социального дискурса, целью которого является достижение определённого вида коммуникации, а именно глуттонической. Это фрагмент текста или речи, связанный с процессом питания, при котором учитываются участники, условия, способы общения, среда, в которой протекает разговор, место и время коммуникации, цели и мотивы, а также жанр и стиль речи. На сегодняшний день полного определения этого термина не существует, поскольку данное явление может быть рассмотрено с разных позиций.

Как мы знаем, питание является важнейшим компонентом культуры народов мира. Оно составляет основу жизнедеятельности человечества. Самый распространённый страх современного человека — лишиться источников питания. Вокруг пищи строится все мировосприятие и деятельность человека.

Как отметил доктор филологических наук А.В. Олянич, автор термина «глуттония» и «глуттонический», пища становится именно тем основанием, на котором выстраивается мировосприятие человека, из чего, таким образом, следует, что эта область может быть описана при помощи языковых средств [Олянич, 2005, с. 468].

Ядром гастрономического дискурса может послужить фрагмент текста или речи, связанный с процессом питания. Сюда можно отнести разговор посетителя ресторана с официантом или прочтение меню. При этом учитываются сопутствующие факторы.

Гастрономический дискурс по своей форме и структуре вмещает в себя большой набор экстралингвистических свойств. Он отражает культурные, языковые, этнические и идеологические картины мира.

Гастрономические предпочтения формировались на протяжении многих веков, и, конечно, на них не могли повлиять такие особенности, как географическое положение, климат, религия, сложившиеся традиции и устои, а также экономические факторы. Достаточно лишь взглянуть на то, чем питается человек, чтобы определить, откуда он, какого верования придерживается и какой образ жизни ведёт.

Расселение народов мира предопределило их вкусы. Каждая страна может с гордостью рассказывать о своих промыслах. Еще с древних времён люди потребляли ту пищу, которая была доступна в их местах обитания. Жители прибрежных зон хвастались богатыми уловами и видели у себя в тарелках необычных морских гадов, обитателям гор приходилось довольствоваться молоком и мясом выращенного ими скота, население лесостепи употребляли продукты, полученные от животноводства и лесных промыслов, обитатели южных стран могли наслаждаться обилием овощей и фруктов. Данное развитие рациона питания привело к тому, что какие-то продукты стали преобладать, в то время как остальные не употреблялись в принципе. Впоследствии это и стало составлять основу кухни. Таким образом, формировалась национальная самоидентификация. Сегодня, представляя англичан, мы, в первую очередь, думаем о пудинге, ростбифе и бифштексе, к итальянцам припишем пасту и макароны, а французов шутливо назовем «лягушатниками».

Немаловажную роль, конечно, сыграл в этом вопросе и климат. Условия хранения еды, возможность её потребления, а также опасность заражения различными вирусами и отравления предопределило выбор еды и способ её приготовления. Например, индийский стол славится крайне острой пищей. Это можно объяснить просты-

ми правилами дезинфекции. По тем же причинам многие жители жарких стран не потребляют молочные и другие скоропортящиеся продукты.

Конечно, не самую последнюю роль в гастрономическом выборе сыграла религия. Религия, предписывающая законы и ограничения, не смогла не повлиять на сферу еды. И по мере её распространения люди, как правило, начинали отказываться от тех или иных продуктов, дабы вести праведный образ жизни. «Кошерность» или «халяльность», запреты во время постов — все это стало важным компонентом в выражении национальной самоидентификации. Конечно, новые нормы зачастую органично вписывались в уже сложившуюся систему. Так, например, сегодня мусульмане и иудеи не потребляют свинину, индуисты и вовсе не едят мясо животных, а русские с удовольствием отмечают блинами Масленицу как своеобразный отголосок языческих времён.

Тесная взаимосвязь разных народов, культурное общение создали предпосылки для популяризации продуктов питания в разных странах. Злаковые растения и хлеб в эпоху неолита распространились в Европе и Передней Азии. Индейские племена Америки обогатили европейскую кухню такими продуктами, как картофель, какао, кукуруза и помидоры.

Набор пищевых компонентов, а также способы их приготовления со временем образовались в устойчивую традицию.

Таким образом, необычное множество факторов, столкнувшись и сплетаясь воедино, заложили основы для образования национальных кухонь, которые нашли свое отражение в языковых картинах мира.

Каждый квалифицированный переводчик прекрасно понимает, что несовпадения языковых картин мира несут в себе особую трудность. Зачастую поиск нужного эквивалента может поставить в тупик. Знание экстралингвистических факторов заранее облегчает предстоящую работу, способствует налаживанию общения. «Без формирования подобных представлений и выработки умений следовать им... речь... имеет все шансы стать неадекватной в культурном плане и либо остаться бесполезной, либо произвести негативный эффект. В любом случае продуктивное общение, приводящее к конкретным результатам, исключается» [Земскова, 2009, с. 85].

Приведём более наглядный пример. Произведение Гоголя «Мёртвые души» изобилует сценами приема пищи, таковым является и сюжет обеда Чичикова с Собакевичем:

«...подошли к столу, где была **закуска**, гость и хозяин выпили как следует по **рюмке водки**, **закусили**, как **закусывает** вся пространная Россия, то есть всякими **солёностями** и иными возбуждающими **благодатями**...»

Перевод этого произведения предлагался двумя переводчиками: Кристофером Инглишем — опубликован в 2003 году, и Д.Ж. Хогартом — в 1842. Результаты таковы:

*“The consumed the customary **glass of vodka** (accompanied by sundry **snacks of salted cucumber and other dainties**) with which Russians, both in towns and countries **preface a meal**”.*

*“At the table, which had been set with **zakuski**, guest and host drank their statutory **glass of vodka** each, chased it down with the **zakuski**, just as vodka is chased down, throughout the length and breadth of Russia, in towns and villages alike — that is, with an infinite variety of **salty titbits and other appetite — whetting dainties**”.*

Чичиков и Собакевич до трапезы выпивают и по русскому обычаю закусывают. Русскому читателю такое явление покажется весьма обычным, в то время как переводчикам пришлось потрудиться. В первом фрагменте закуска и солёности сливаются в единое выражение, и получаются “*snacks of salted cucumber*”, дословно «закуска из солёного огурца». Однако, если посмотреть точное значение слова *snack* — a light quick meal eaten between or in place of main meals (лёгкий быстрый приём пищи между едой или вместо основного блюда) С одной стороны, Чичиков и Собакевич действительно кушают до приёма пищи, однако это слово не несёт смысла того, чем «заедают выпитое». Глагол закусывать опять же превращается в то, что «предшествует приему пищи» (*preface a meal*), что не совсем верно. Второй переводчик, понимая, что другим словом не сможет выразить это значение, прибегают к такому приему, как транслитерация. Получаются *zakuski*. Интересно, что если в первом варианте герои заедали водку солёным огурцом, то во втором — они её запивали (“*chased it down with the zakuski*”), что не верно, поскольку под «закуской» мы понимаем блюдо, а не напиток.

На этот же вопрос обращает внимание М.Н. Есакова. Приводя пример из перевода на французский язык М. Булгакова «Мастер и Маргарита», она отмечает, что существительное «закуски» было переведено как “*hors d’œuvre*”, хотя французское слово предполагает дальнейшее продолжение трапезы, а в тексте герой закусывал водку. Целесообразнее было бы использовать такие лексемы, как “*mets*”, “*plat*”, “*repas*” [Есакова, 2001, с. 84].

Таким образом, переводчик сталкивается с целым набором задач: понять ситуацию, вычленив лексемы, связанные с гастрономическим дискурсом, рассмотреть все смыслы, скрывающиеся в данных словах, осознать, вносил ли автор текста некое дополнительное значение.

Особое место в системе гастрономического дискурса занимают паремии. Так, А.В. Оляничем только в русском языке было насчитано около 80 единиц. Сюда же можно отнести фразеологические обороты, которые также нередко представляют трудность для перевода. Конечно, облегчают задачу соответствующие словари, однако иногда контекст диктует свои условия.

Приведём опять же пример из «Мёртвых душ» Гоголя. Для описания атмосферы в городе автор использует выражение «*заварилась каша*», т.е. началось сложное или неприятное дело. В переводе мы встречаем “*Total chaos reigned*”. Переводчик не передает выражение буквально. Смысл остается: случилось что-то нехорошее, однако образность пропадает. Можно было использовать устойчивые выражения, присущие английскому языку, как, например, *to start the ball rolling, to put the fat in the fire, to make a mass, to stir up trouble*, что эквивалентно русскому словосочетанию «*заварить кашу*».

Интерес для перевода также составляет гастрономическая метафора. Как отмечает О.А. Дормидонтова, только одно слово *fromage* (сыр) может в устойчивых выражениях обозначать форму, стоимость и запах. Например, *faire des fromages* — делать «колокола» юбкой, кружась и приседая [Дормидонтова, 2011, с. 17].

Еще одной преградой на пути переводчика может стать наименование блюда. Человек, никогда не имевший ранее дела с гастрономией, общаясь с французами, при виде такого лакомства, как «безе», наверняка, даже не задумываясь, его так и переведёт, что поставит, конечно, одного из участников речи в замешательство, ведь данный сорт пирожного во французском языке именуется “*la meringue*”.

Или наш любимый новогодний «салат Оливье» во всех иноязычных культурах приобрёл некое иное наименование — «Русский салат». Для многих история этого блюда, конечно, не будет открытием. Ведь салат называется на французский лад лишь благодаря его изобретателю — французу, проживавшему в XIX в. в Москве.

На сегодняшний день подход к переводу блюд может быть различным. Если в переводном языке не существует полного эквивалента или уже закреплённого в словарях термина, то приходится изрядно потрудиться, чтобы найти правильный выход из положения. В меню и рекламных брошюрах, как правило, переводчики передают названия транскрипцией, транслитерацией или применяют описательный перевод; в художественных текстах используют все вышеперечисленные варианты, а также прибегают к адаптации и даже опущениям, если это никаким образом не влияет на дальнейшее развитие сюжета.

К примеру, на рекламном плакате одного из московских кафе мы встречаем предложение десерта под названием «Бельгийские вафли», прекрасно зная, что по-французски их называют “*les gaufres*”. Здесь переводчик отдал предпочтение описательному переводу, ориентируясь на благозвучие, хотя во многих меню мы сегодня можем встретить и наименование «Гофры».

Если же брать пример из вышеупомянутого произведения, то на одной из страниц можем встретить некое блюдо «*скородумки*» — выпечка на скорую руку, без дрожжей, испечённые блины или пышки. Если сравнить переводы, то получается, что в первом —

вся еда именуется общим названием *viand* (пища, провизия, еда), во втором — используется слово *dumpling* — клецка; яблоко, запечённое в тесте.

Словарное значение *dumpling* таково — a dessert consisting of wrapping of dough enclosing sliced apples or other fruit, boiled or baked (варёный или испечённый десерт из нарезанных яблок или других фруктов в тесте).

Мы видим, что оба варианта далеки от оригинала. В первом переводе был использован приём генерализации, когда во втором мы наблюдаем адаптацию. Переводчик решил использовать блюдо, знакомое английскому читателю.

Таким образом, гастрономический дискурс представляет собой сложное явление и в то же время необычайно важное, поскольку процесс питания является жизненно необходимым для всего населения нашей планеты. Без изучения ситуаций, связанных с этой сферой, тяжело даже представить иностранный менталитет. Изучение кухни способствует составлению представлений о культуре и нравах жителей определённой местности.

Несмотря на то, что гастрономический дискурс является неотъемлемой частью культур всех народов мира, при том что многие ситуации, традиции и блюда стали для многих известными, переводчикам непросто передать все детали без потерь. Все это происходит в силу несоответствия языковых картин мира. Исследование данной проблематики крайне важно и должно входить в подготовку компетентного переводчика.

Список литературы

- Гоголь Н.В. Повести. Мертвые души. Поэма. М.: Эксмо, 2002.
- Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.
- Дормидонтова О.А. Гастрономическая метафора как средство концептуализации мира (на материале русского и французского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 17 с.
- Есакова М.Н. Ситуативные реалии как переводческая проблема (на материале текстов произведений М. Булгакова и их переводов на французский язык): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Земскова А.Ю. Лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 85 с.
- Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX—XI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. 438 с.
- Gogol N. *Dead Souls: A Poem*. Translated and edited by Christopher English. Oxford; New York: Oxford University Press, 1998.
- Gogol N. *Dead Souls: A Poem / Trans. and ed. by D.J. Hogarth*. Dover Thrift edition (originally published in 1842), 2003.

РЕЦЕНЗИИ

В.Г. Кульпина, В.А. Татаринов

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ КОЛЛОКАЦИЙ В ПЕРЕВОДЕ

Предметом лексикографического описания в словаре Эвы Бялэк являются устойчивые словосочетания¹. Такого типа словосочетания, отмечает лексикограф, могут выступать под названиями *фразеологические словосочетания, идиомы, аналитические конструкции*. Автором даются ключевые характеристики коллокаций: относительно постоянный состав компонентов, возобновляемость в языке и в коммуникации, идиоматичность в переводе (небуквальность понимания) и неразрывность как единицы перевода, возможная десемантизация значения одного из компонентов. Э. Бялэк подчеркивает: «Постоянство состава и возобновляемость (высокая частотность встречаемости и повторимость как целого) создают предпосылки для отнесения группы коллокаций к разным группам слов — таким, значения которых подверглись метафорическим преобразованиям, и таким, которые сохраняют своё первичное значение» (с. 8).

Двуязычный характер словаря подчёркивается его двуязычным заглавием — на польском и русском языках. Такое заглавие внушает также мысль о возможности и полезности его использования как польским, так и российским переводчиком и просто интересующимся пользователем в России и в Польше.

Словарь является прикладным продолжением теоретического труда Эвы Бялэк — монографии «Коллокации в переводе. Русско-польские исследования»². Словарь наглядно демонстрирует возможности использования коллокаций в теории перевода, преподавании иностранного языка и сопоставительном языкознании. Наряду с коллокациями со стабильно узнаваемым обликом Э. Бялэк включила в свой словарь совершенно новые коллокации, а также такие, которые выступали лишь в одноязычных словарях (теперь же они — достояние и двуязычной лексикографии).

¹ *Bialek E. Kolokacja w przekładzie. Słownik rosyjsko-polski = Коллокация в переводе. Русско-польский словарь. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. 419 s.*

² *Bialek E. Kolokacja w przekładzie. Studium rosyjsko-polskie. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009. 151 s.*

В словаре представлено 5000 лексических единиц русского языка с их польскими эквивалентами. Многие коллокации снабжены иллюстративными примерами из художественной литературы с их полной документацией.

Труд Э. Бялэк является, безусловно, лингвистически и лингводидактически полезным. Отечественные русисты найдут в нём нигде ранее лексикографически не зафиксированные словосочетания современной русской литературной речи с их надёжной семантизацией и экземплификацией.

Словарь в первую очередь нацелен на то, чтобы быть собранием русско-польских эквивалентов, которые могут использоваться в разнообразных коммуникативных ситуациях. Автор исходила из принципа наличия у коллокации и её иноязычного эквивалента определённой семантически общей части как условия включения коллокации в словарь. В основу словаря легли многие словари целого ряда лексикографов, литературные и интернет-источники, в которых автор искала подтверждение закреплённому характеру выделенных ею коллокаций. Однако, возможно, не все вошедшие в словарь коллокации, как указывает Э. Бялэк, являются таковыми в общепринятом смысле — и в этом, возможно, отражается новизна взглядов автора на сущность коллокаций.

Согласно польской лексикографической традиции словарь предваряет обширное предисловие (с. 7—37), имеется список использованной литературы (с. 39—44), разбитый на разделы: а) художественная литература, б) научная, научно-популярная и юридическая литература, в) публицистическая литература, г) специальная литература и словари. Корпус словаря обширен: он располагается на страницах 45—382. К словарю составлен «Указатель русских заголовочных слов» (с. 387—402) и «Указатель польских слов-ключей» (с. 402—419), представляющих собой опорные слова коллокаций, облегчающие пользование словарём. Имеется список условных сокращений и символов и список стилистических помет. В формальном плане словарь также продолжает традиции польской лексикографии: русское ударение фиксируется нижним подчеркиванием ударного гласного, например «*трудова́я кни́жка*» (с. 162), и приводится как в опорном слове, так и в словосочетаниях. Управление даётся не формами неопределённых местоимений *кто-то*, *кто-л.* и т.п. (характерных для нашей отечественной традиции), а формами вопросительных местоимений — например, «*кто́ составит кому́ компанию*» (с. 165) — как это принято в польских грамматиках и словарях.

Среди словарных статей (расположенных в алфавитном порядке) больше всего заголовочных слов в виде существительных (включающих коллокации всех типов) и глаголов; более редки заголовоч-

ные слова прилагательных, причастий, местоимений (например, *это*) и наречий. Порядок презентации коллокаций — структурно-алфавитный: глагольно-именные коллокации, глагольно-адвербиальные, отглагольные, атрибутивные, адвербиальные. В каждую группу коллокаций включаются структурные подтипы, даются примеры употребления коллокаций с документацией.

Дифференцированная система символов, вводящих польские соответствия коллокаций, строится с учётом разных типов эквивалентности и сама по себе достойна внимания. Так, например, знак срединной точки • служит вводу польской коллокации-соответствия, а символ срединного квадрата ■ служит введению однословного соответствия коллокации (например, «репчатый лук ■ *cebula*» (с. 179), детективная повесть ■ *krzynał* (с. 233)). Семантико-стилистические различия между русскими и польскими коллокациями сигнализируются знаком приблизительного равенства ≈. Этот знак указывает на неполное соответствие (например: «у *czego* есть плюсы • ≈ *co ma swoje dobre strony*» (с. 233) — *букв.* ‘что имеет свои хорошие стороны’).

Символ **ant** вводит соответствие антонимического характера. Так, например, таким антонимическим коррелятом от русск. *пользоваться популярностью* является польск. “• **ant** *nie narzekać na brak powodzenia*” (с. 245) — *букв.* ‘не жаловаться на отсутствие успеха’.

Символ **og** служит генерализации путем введения польского соответствия с более общей семантикой, чем у русской коллокации, в то время как символ **k**, напротив, служит показателем конкретизации польского коррелята по сравнению с русской лексемой.

Символ **met** служит индикатором метонимического соответствия (ср. русск. сделать <обиженные> глаза • **met** *zrobić* <*obrażoną*> *minę* — *букв.* ‘сделать <обиженную> мину’).

Ряд символических обозначений многофункционален. Так, треугольные скобки < > служат указанию на факультативный характер компонента, что в переводческой практике означает возможность его замены: а) синонимом лексемы оригинала, б) компонентом, изменяющим её значение, в) нулевым компонентом (т.е. его опущением). Напр., разразился <жуткий>скандал • *wybuchł* <*straszliwy*> *skandal*.

Символ косой черты / служит введению а) вариативных (с разным порядком слов) компонентов; б) вводит видовую пару (если таковая отмечена в параллельных текстах), например: «лучезарно улыба^тся / улыбу^нуться».

Русские и польские обозначения числа (ед. ч. — польск. *l. poj.*; мн. ч. — польск. *l. mn.*) сообщают о том, что переводное соответствие употребляется в другом числе по сравнению с лексической

единицей оригинала, например: «тренировочный костюм *ед. ч.* ■ *dresy l. mn.*».

Лексикографические пометы представлены весьма разнообразно. Имеется большое количество помет, характеризующих эквивалентность: полный, частичный, стилистически маркированный и т.п.

Наличие в словаре на удивление адекватных эквивалентов — предмет эвентуальной радости переводчиков: *Вот он, эквивалент, и ничего искать больше не надо!* Так, например, польским эквивалентом коллокации *колоссальная идея* является польская *genialny pomysł* — *букв.* ‘гениальная идея’, *неподдельное изумление* транслируется в словаре как *nieukrywane zdumienie* — *букв.* ‘нескрываемое удивление’, *донельзя измотанный* — как *skrajnie wyczerpany, wpaść w komu* как *zapaść w śpiączkę* (если следовать внутренней форме словосочетания, то получается ‘запасть в спячку’), *отрывной календарь* — как *kalendarz kartkowy, букв.* ‘страничный календарь’.

Терминологические коллокации представлены прежде всего юридическими, экономическими, общественно-политическими и бытовыми терминами. Так, среди опорных слов коллокаций юриспруденции находим *поличное, приговор, следствие* и др., среди общественно-политических — *пиар (PR), референдум*, среди бытовых — *бытовая техника (sprzęt gospodarstwa domowego)* и мн. др.

В каждой словарной статье имеется ассоциативная зона: например, на опорное слово *кольцо* приводится коллокация *обручальное кольцо* и через квадрат — польский однословный эквивалент ■ *obrączka*, а на каждый из членов ассоциативной зоны, например *платье, подарок, предложение, рука, свадьба*, — в словаре в свою очередь сформирована отдельная словарная статья.

Словарь смело может быть рекомендован в целях поиска межъязыковых соответствий в кругу обоих языковых ареалов — для профессионального и любительского применения. А ещё его можно просто почитать — интересно с точки зрения теории сопоставительного анализа, теории и практики перевода, лексикографических приёмов и методов, лингвистической когнитивистики и теории коммуникации. На лингвистическую рефлексию наводят несоответствия внутренней формы слова, давая импульс для дальнейших рассуждений о развитии семантики слов в славянских языках.

Таким образом, словарь, очевидно, найдет своего читателя как в кругу лингвистов-практиков, так и любителей русского и польского языков.

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);

- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

- *примечания* в виде подстраничных сносок;

- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

- данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет «Высшая школа перевода», комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.